

Р . Б Э Р Д
ЗАВОЕВАНИЕ
АНТАРКТИКИ
ПО ВОЗДУХУ

ОРИЗ • МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 1934

Р. БЭРД

ЗАВОЕВАНИЕ АНТАРКТИКИ ПО ВОЗДУХУ

*Перевод с английского
Ф. М. и В. Я. Ратгауз
и И. Т. Животовского*

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 3 1

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ
„РАБОЧИЙ ЛЕНИНЕЦ“
ОГИЗ'а

МОСКВА, Б. ВУЗОВСКИЙ, 1.

ГЛАВЛИТ № А 87802

ТИРАЖ 10.155 экз.

ЗАКАЗ № 1693.

МГ № 251.

Д- 23

3¹/₂ п. л.

РИЧАРД ЭВЕЛИН БЭРД.

Континент Антарктики продолжает быть величайшей мировой географической тайной, с тех пор как капитан Джеймс Кук, на основании исследования ледяных гор и океанских течений, в период между 1772 г. и 1775 г. вывел заключение о существовании южной полярной земли. Площадь этого ледяного континента в 12 500 000 кв. километров равна территории Соединенных штатов и Мексики, толщина же льда до настоящего времени остается неизвестной.

Огромные полуострова континента, выступающие далеко в окружающие его океаны, огромный край этой площади частью опоясан высокими, почти непроходимыми ледяными горами. Таким представляется единственный в своем род континент на „краю света“. Два человека пробирались через снега и ветры, сквозь ряды горных проходов, чтобы достичь южного полюса. Один из них—великий Амундсен—вернулся, чтобы поведать нам свою повесть, другой, бессмертный Скотт, и его товарищи погибли в „ослепительном снежном урагане“.

Исследователи время от времени достигали других пунктов побережья. Некоторые проникали внутрь страны (из последних в особенности известен не-

устрашимый Шекльтон), и каждый из них прибавлял по частице к нашим скудным сведениям об Антарктике.

ЗАГАДКИ АНТАРКТИКИ.

Некоторые географы думают, что Антарктика представляет собой два огромных острова.

Как далеко простираются ее горы и соединены ли они с цепью Ново-Зеландских гор или с могучими Андами? Насколько толст его ледяной покров и как стар он? Чем питается? Есть ли там минералы, каменный уголь? Все эти вопросы ожидают своего разрешения. Наша экспедиция конечно не могла их разрешить, хотя нам на помощь явились все позднейшие достижения науки. Благодаря аэроплану мы в течение одного из наших полетов увидели больше площади, чем могли осмотреть все предыдущие исследователи, которых необходимость приковывала к земле. Аппарат, который производил с'емку, регистрировал точно и полностью все, что человеческий глаз имел возможность схватить при полете со скоростью 100 км в час.

Мы считали, что из всех наших исследований самыми ценными будут наши метеорологические наблюдения. Область Южного полюса влияет на погоду земного шара больше, чем площадь Арктики. Вот почему мы попросили Национальное географическое общество назначить в помощь нам метеорологического эксперта.

Ричард Эвелин Бэрд

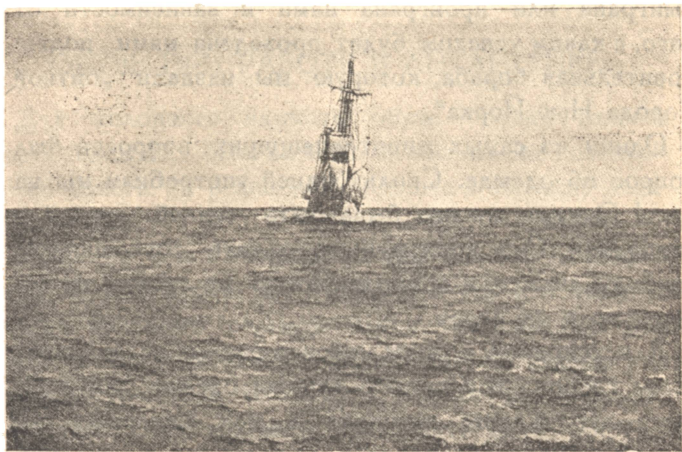
ОБШИРНОЕ ПОЛЕ ДЛЯ НАУКИ

В течение многих лет я, прочитывая каждый отчет об антарктических исследованиях, также следил за каждой появлявшейся в печати дискуссией, касающейся проблемы Антарктики. Сначала я наметил те области науки, которые требуют тщательного изучения, а именно географию, геологию, метеорологию, зоологию, океанографию, физику, радио и т. д. Затем мы постарались найти самых лучших специалистов в этих областях. Каждый из них составил подробный перечень намеченной им работы, приложивши к нему список инструментов, необходимых для выполнения задания. Много времени было потрачено на изучение различных фаз нашей научной работы; но с другой стороны мы вполне понимали, что для выполнения ее нужно было сберечь здоровье и производительность самих работников, а потому этому вопросу, и в особенности обеспечению экспедиции от возможных потерь человеческих жизней, было уделено нами самое серьезное внимание. В нашем распоряжении были аэропланы, собаки и радио, которые должны были облегчить нам выполнение нашей задачи.

Мы обыскали весь свет, чтобы найти подходящее для себя судно, и наконец взяли его в Норвегии. Это была большая приземистая норвежская баржа в 512 тонн. Мы называли ее „Город Нью-Йорк“. С 1885 г. судно это плавало в полярных водах. Кузов его имел клинообразную форму, благодаря чему он

мог подниматься, когда полярные льды сжимали его в своих страшных объятиях. Судно было обшито деревом толщиной в 85 см.

25 августа 1928 г. „Город Нью-Йорк“, неуклюже переваливаясь, поплыл по водам Гудзона. Тысячи голосов приветствовали нас, начиная с громовых басов Левиафана и кончая визгливыми нотками моторных лодок.

„Город Нью-Йорк“ на пути к Антарктике.

Последние посетители на судне желали нам всего хорошего. „Работа ждет вас“—говорили они. Признаюсь, что, оглядываясь назад, на эти три года, три года самой трудной работы моей жизни, я чувствую облегчение.

„БОРЬБА НЬЮ-ЙОРКА“.

В течение трех лет я был то диететическим поваром, то картографом, то кассиром, то скупщиком и еще многим и многим другим. Учитывая все обстоятельства и тщательно готовясь к путешествию, мы сознавали, что успех наш зависит от нашей предусмотрительности. Мы вполне понимали, что предстоящая нам битва в неизвестной области будет выиграна или проиграна нами в зависимости от того, с каким успехом будет проведена нами подготовительная борьба, которую мы называли „битвой Города Нью-Йорка“.

Одним из самых животрепещущих вопросов был вопрос об одежде. Сколько дней употребили мы на него! Одежда должна была быть теплой, легкой и свободной. Она должна была давать совершенную свободу движения и предохранить не только от холода, но и от ветра.

Для холодной погоды меховая одежда незаменима. Пири говорил всегда, что лучшая одежда для Арктики—это шкуры живущих в ней животных. Он изучил одежду эскимосов и методы приготовления звериных шкур для одежды. Я также изучил их приемы и методы еще в 1925 г., когда работал для Национального географического общества.

Самая практичная одежда—одежда из оленьих шкур. Олений мех самый теплый и легкий. Сапоги, брюки, верхняя одежда—все было у нас из оленьих шкур. Для того чтобы шерстяная одежда могла равняться

по степени теплоты меховой, она должна быть вдвое тяжелее.

Мех полярного медведя теплее оленьего, но тяжелее. Одевши широкую рубаху из оленьего меха (парка) с широкими проймами, чтобы при необходимости можно было скрещивать руки внутри, брюки и сапоги из шкур оленей, возможно спать на воздухе в самую холодную погоду.

ОБУВЬ ПРИ РАБОТЕ В АНТАРКТИКЕ.

Для холодного климата обувь — самая важная часть одежды. Мы носили мокасины из оленьей кожи, сапоги на резиновой подошве и большие лыжные сапоги.

Подошвы были сделаны из кож тюленя. Амундсен говорил мне много раз о том, что достать лыжные сапоги большого размера почти невозможно. Для себя мы сделали специальные сапоги, годные для температуры 56,5° ниже нуля. Летом они оказались слишком теплы, пришлось разрезать их и переделывать заново. Каждый получил четыре пары зимнего белья, десять пар носков, две пары брюк, шесть пар сапог, две пары мокасин, две шерстяные рубашки, два свитра, одну оленью парку, другую легкую парку, шесть пар напульсников, шапку из меха выдры и мешок для спанья из оленьего меха.

Большинство думает, что основное в Антарктике — холод, но это совсем не так; сырость является главным бичом Антарктики. Сырость постоянно обра-

зуется и замерзает, благодаря чему люди отмораживают ноги, пальцы; по той же причине пользование спальными мешками сопряжено с большими затруднениями. Мы провели целую зиму над решением этого вопроса.

КАКУЮ ПИЩУ МЫ ВЗЯЛИ С СОБОЮ.

Каждый, кто понимает, что такое быть вдали от цивилизации в течение многих месяцев, оценит наши усилия запастись всем необходимым на целый год. Доктор Коман исписывал бесконечные листы бумаги, вычисляя количество калорий и витаминов для каждого члена экспедиции. За этим последовали закупки провизии. Вот небольшая часть закупленного: ветчина—две тонны, конфеты— $2\frac{1}{2}$ тонны, американский сыр—112 кг, куры—1 тонна, индейки—270 кг, яйца—500 ящиков, молоко в порошке—1 тонна, печенье— $\frac{1}{2}$ тонны, варенье, повидло—1 тонна, мука—15 тонн, мыло для бритья—1 200 кусков, тальк—1 000 коробок, мыло—8 840 кусков, крем для лица—150 банок, 60 бритв и 1 200 пакетов лезвий для бритья, кофе— $2\frac{3}{4}$ тонны; чай—168 кг, какао—270 кг, 60 000 листов писчей бумаги, электрические стиральные машины, стиральное мыло в порошке—12 бочек, 30 дюжин зубных щеток, 5 дюжин щеток для рук, 5 дюжин головных щеток.

Мы приготовились к трем годам жизни у полюса на тот случай, если возвращение наше к назначенному сроку окажется невозможным.

Потребовались целые месяцы планирования и испытаний, для того чтобы обеспечить экспедицию средствами передвижения на континенте, где до нас единственными способами передвижения были пешая ходьба и езда в санях на собаках. Мы выбрали три моноплана: трехмоторный „Форд“, одномоторный „Фэйрчайльд“ и одномоторный „Фоккер“.

Мы также взяли с собою по 80 эскимосских собак для перевозки тяжестей от ледяной стены до „Маленькой Америки“ и один автомобиль на полозьях.

ПЕРЕГРУЖЕННОЕ СУДНО

Трудности погрузки судна поразили меня. В течение целого дня краны опускали на палубу лающих собак, бесконечные ящики, мешки, тюки, аэропланы; судно было нагружено до предела, а припасы продолжали литься непрерывным потоком. За цепью полиции 2 000 человек—женщины, мужчины, дети—следили за погрузкой судна.

Я помню, как пожилой серьезный человек подошел ко мне и пожал руку.

— Я был там,—сказал он, показывая на юг,—я не думаю, что снова увижу вас. Судно ваше перегружено, оно не выдержит.

Такое заявление не могло подействовать ободрятельно, но я знал, что опасность преувеличена, хотя реальная опасность все же существовала. Было очень рискованно плыть по бурному океану на пе-

регруженном судне, но... как быть? Уголь необходим—все антарктические экспедиции становились лицом к лицу с угольной проблемой.

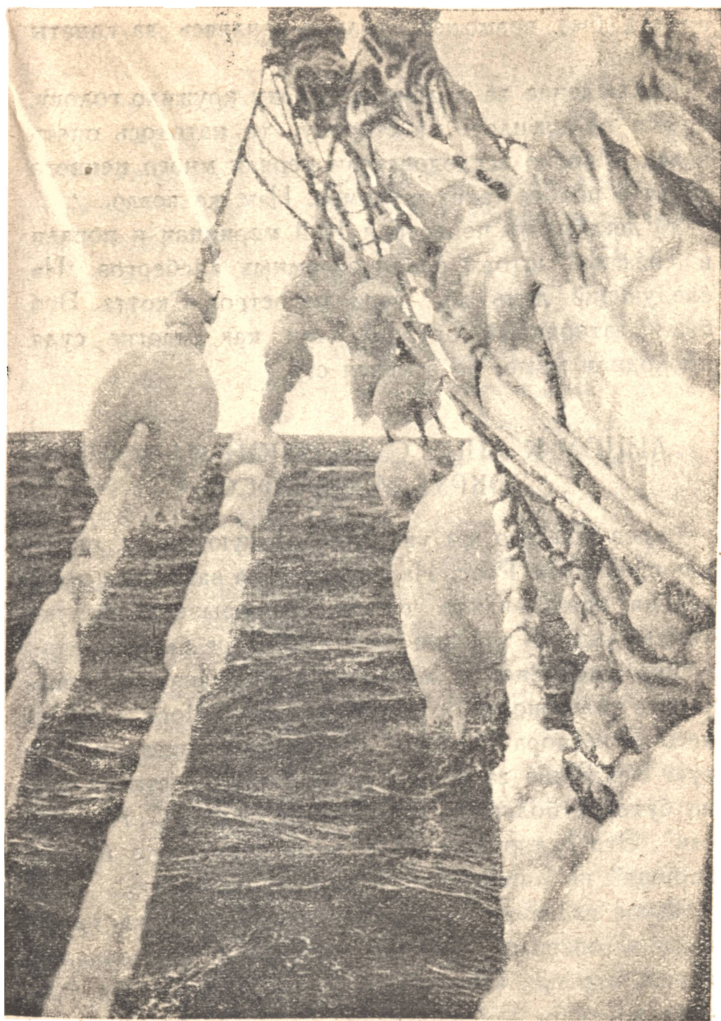
Суда антарктических экспедиций слишком малы для того, чтобы иметь запас угля; большие же суда не выдерживают давления льда. Нам же необходимо было иметь достаточное количество угля не только для путешествия на протяжении 6 400 километров от Китовой бухты до Дунедина, но и для того, чтобы оставить 75 тонн для нашей базы.

ПЕРВЫЙ ШТОРМ В АНТАРКТИКЕ.

В 6 час. утра, 2 декабря 1928 г. „Нью-Йорк“ и „Элеонора Боллинг“ покинули Дунедин. День был прекрасный, только кое-где поднимались небольшие волны после вчерашней бури.

При попутном ветре „Нью-Йорк“ делал 7 узлов. Иногда „Элеонора Боллинг“ брала его на буксир; нелегко было пароходу вести на буксире судно, идущее под всеми парусами, и часто лишь быстрым маневрированием удавалось удержать суда в одной линии. Вот когда мы оценили радио! Мы могли разговаривать друг с другом, будучи на разных судах.

6 декабря мы впервые испытали настоящий шторм. Мы работали, как бобры, укрепляя заграждения, за которыми помещались наши запасы. Внизу мы ползали, как крабы, через бочки и ящики. Хожение на обед являлось целым событием, так как палуба была так загромождена, что каждый шаг

После шторма.

вперед был возможен, только цепляясь за канаты и борта.

Наблюдение за льдинами сверху кружило голову. Судно то ложилось на сторону, то катилось опять назад. Многие исследователи теряли много ценного груза в полосе таких штормов. Нам же везло.

10 декабря мы пересекли 18-й меридиан и попали в снежный шторм среди огромных айсбергов. На следующий день мы увидели остров Скотта. Это был „затерянный остров“, так как многие суда проходили мимо, не замечая его.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ЛЕДЯНОЙ МАССОЙ ВОКРУГ МОРЯ РОСС.

Через три дня мы увидели ледяную массу, окружающую море Росс. На восток и на запад все поле зрения представляло собою непрерывную белую линию льда. В течение двух дней море было совершенно спокойно, и матросы перегрузили 87 тонн угля с „Элеоноры Боллинг“ на „Нью-Йорк“, после чего „Элеонора Боллинг“ отправилась назад в Новую Зеландию за новым грузом угля, оставив нас на буксире большого китоловного судна „С. А. Ларсен“. Это судно перевезло меня и кое-кого из товарищей из Калифорнии в Новую Зеландию.

Такое плавание на буксире являлось очень трудным и опасным опытом; опасности заключались в том, что при встрече со льдом могло произойти столкновение, для избежания которого требовалась

большая осторожность. Однако, с другой стороны, если бы это буксирование оказалось удачным, мы могли бы достичь Китовой бухты на месяц раньше других экспедиций.

Этот выигрыш во времени был очень важен для дальнейших планов. Как впоследствии оказалось, в том году в Китовой бухте лед был на 16 километров дальше, чем во время экспедиции Амундсена, а потому, если бы мы не прибегли к этой мере, работа по выгрузке огромных запасов и аэропланов едва могла бы закончиться до наступления зимы.

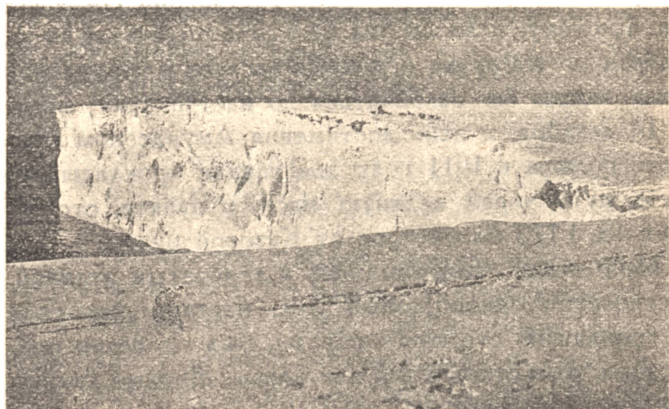
14 декабря, в день достижения Амундсеном Южного полюса в 1911 году, мы начали прокладывать себе путь через ледяную массу в пункте, отстоящем на 1120 километров от Китовой бухты.

Небо было бледноглубое с сероватым отливом. Бесконечно однообразный лед, местами размытый и принявший странные образы, был прорезан проходами, по которым мы двигались. Жирные сонные тюлени отдыхали на солнце; большие полярные птицы безмолвно пролетали тихим бесшумным полетом—все это создавало картину ложного покоя, который внезапно нарушался раздававшимся треском, и судно вздрагивало, как живое существо.

К этому можно добавить постоянную боязнь столкновения, когда „Ларсен“ подставлял свои 17000 тонн встречным льдам. Для предотвращения опасности мы устраивали непрерывные дежурства.

Плывя в этом фантастическом мире, мы попали в снежную бурю. Перед нами опустился снежный

занавес и закрыл от нас ледяной мир. К полуночи тучи рассеялись, занавес поднялся, и в течение двух часов солнце рисовало яркие розовые полосы и бледные тона на ледяной скульптуре вокруг нас. Однако вскоре снег пошел опять, и сильный ветер обволок нас снежной пеленой. Каждую минуту мы могли натолкнуться на пловучий лед.

Ледяные и снежные утесы образуют барьер на сотни километров вокруг Антарктики. Упряжка собак на верху утеса дает представление о величине этого барьера.

РАДИОСООБЩЕНИЕ, ПОБИВШЕЕ РЕКОРД.

В то время как мы задерживались в ледяных полях, мы получили радиосообщение о полете капитана Губерта Уилькинса над землей Грэхем. Это известие мы получили скорее, чем жители в Соеди-

ненных штатах. Им пришлось ждать утренних газет, тогда как это известие было тотчас же передано коротковолновой станцией Нью-Йорк-Таймс WHD на нашу станцию WFBT, на расстояние 14 720 км.

В течение $7\frac{1}{2}$ дней мы подвигались вперед, то наталкиваясь на льдины, то отталкивая их, то пытаясь назад и едва продвигаясь вперед. Большое китоловное судно с его мощной машиной сдвигало лед в сторону, чего не мог бы сделать „Нью-Йорк“, хотя он и был в состоянии выдержать такое давление, которое раздавило бы „Ларсен“, как яичную скорлупу. Последний мог продвигаться лишь благодаря тому, что в летнем льду образовалось много проходов, а благодаря своей сильной машине он умелым маневрированием мог избежать зажатия льдом.

На протяжении 2 900 километров „Элеонора Боллинг“ и „Ларсен“ вели нас на буксире, так что, когда „Ларсен“ 23 декабря оставил нас, у „Нью-Йорка“ было достаточно угля для того, чтобы идти без помощи к ледяному барьеру. Кроме того „Элеонора Боллинг“ должна была доставить еще угля к барьеру для нас. Таким образом угольная проблема была решена.

Последний день среди льдин был самым тяжелым. Мы целый день маневрировали, но тем не менее имели несколько столкновений.

Выплыли же мы из льдин совсем неожиданно и очутились в море Росса. Оно было совершенно спокойно и гладко.

Капитан „Ларсена“ Нильсон под'ехал пожелать нам всего хорошего. Он надавал нам множество советов вместе с изрядной порцией китового мяса.

Обеденная шутка: „Передайте кита“—перестала быть шуткой, потому что китовое мясо очень вкусно, нарезанное и зажаренное тонкими ломтиками.

БАРЬЕР ДОСТИГНУТ.

Рождеством 1928 г. мы достигли барьера. Прозрачные ледяные скалы, казавшиеся символами этой недоступной страны, лежали, поднимаясь выше мачты судна. Перед нами простиралась бесконечная пелена снега и льда. Это Антарктика, и здесь мы будем жить. Разгадаем ли мы хотя бы одну из ее тайн?

Она была перед нашими глазами. Мы приветствовали ее громкими криками.

Это единственное место на земном шаре, где судно может быть так удалено от всякой цивилизации.

В эту ночь мы почти не спали. Нам казалось, что одна цель уже достигнута. Мы слушали по радио вокальную программу и поздравления, передававшиеся нам.

Мы приблизились к ледяной стене на 177⁰ западной долготы. Топограф и физик делали наброски. Глубина океана в этих местах равна от 550 до 600 метров.

ПЕРВЫЕ НА БЕРЕГУ.

После полудня мы высадились на берег, если берегом можно назвать плотную полосу льда. Каждый хотел быть первым. Наконец капитан Паркер закричал:

— Моряки всегда первые на суше.

„Город Нью-Йорк“ в Китовой бухте. Лед поднимается на 2 метра над водою, образуя прекрасный док.

Посещение „Гавани открытия“ стоило всех наших трудов. Мы нашли закрытую ледяную гавань. На картах эта гавань тянется на восток и на запад, но в действительности общий изгиб ее с востока на юг, а в том месте, где линии ледяного барьера встречаются, направление его почти с севера на юг. То же самое мы наблюдали с аэроплана.

В том месте, где барьер постепенно спускается к заливу, мы поднялись вверх на 150 футов. Барьер представляет собою снег, переходящий в точке соприкосновения с водою в зеленый лед залива, толщиной примерно в несколько сот метров. Лед залива не отрывается в виде айсбергов, и мне казалось, что кое-где он доходил до самого дна.

Мы прибыли к Китовой бухте и были удивлены, что лед в ней остался почти не тронутым.

Наконец мы достигли того таинственного места, о котором мы все время мечтали: залив, замкнутый во льдах, место, где судно может подойти ближе всего к Южному полюсу. Земли не было видно.

Мы прибыли сюда 28 декабря, на две недели раньше Амундсена и по крайней мере на 16 километров дальше к югу. (Китовая бухта имеет около 32 километров в ширину от Западного мыса до Восточного мыса, приблизительно столько же в длину).

Линия берега залива образуется стенами барьера. Сам же залив наполнен льдом только в несколько метров толщиной при толщине льда барьера в несколько сот метров.

ЖДАТЬ ИЛИ НЕ ЖДАТЬ?

Серьезная проблема была перед нами. В первый и второй год пребывания Амундсена из бухты вышло гораздо больше льда, чем при нашем прибытии. Не знаю, почему так случилось, может быть потому, что мы прибыли слишком рано. Что было делать?

Ожидать, пока весь лед уйдет или же начать перевозить тонны груза к нашей базе? Пользоваться для перевозки собаками было довольно рискованно, так как лед местами уже начинал ломаться и должен был продолжать ломаться. В течение первых часов после прибытия нам пришлось даже из-за этих помех льда несколько раз переменить место стоянки.

Мы принимали всевозможные предосторожности, чтобы избежать потери людей и собак. Прежде чем испробовать лед в заливе, мы постарались найти подходящее безопасное место на барьере, поближе к краю.

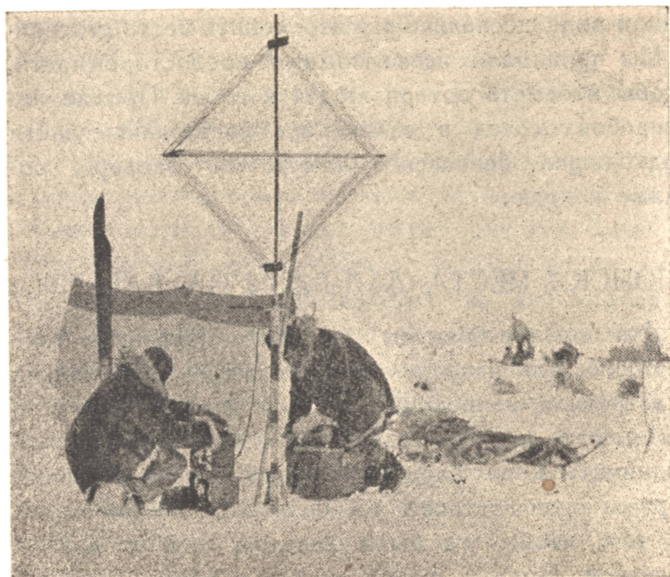
ПОИСКИ МЕСТА ДЛЯ БАЗЫ НА БАРЬЕРЕ.

Для поисков базы мы совершили маленькую экспедицию. Мы направились к восточной части залива и встретили непроходимые цепи холмов. Наконец мы нашли дорогу, подымавшуюся вверх, и начали подниматься на барьер. Так как это было нашим первым путешествием по барьеру, то я настаивал на том, чтобы мы были связаны друг с другом веревкой. Кругом ничего не было видно, мы шли, как в густом тумане. Барьер постепенно спускался к западу, и мы подошли к небольшому заливу, где расположились лагерем.

Несколько дней спустя мы решили основать „Маленькую Америку“ на барьере к востоку от залива, который мы называли „Вер-Сюр-Мер“ — название маленького французского городка, где я спу-

стился при моем полете во Францию. Здесь мы поставили две небольшие палатки и установили радио.

С каждым днем мы все больше и больше убеждались в незаменимости радио. Мы общались с на-

Радио поддерживало связь между всеми исследовательскими партиями и базой.

шими товарищами на „Нью-Йорке“, с „Боллингом“ в Новой Зеландии, а радио на базе сообщало нам новости из Соединенных штатов.

Мы жили в стране видений. Станный мир зачаровывал нас. Мы не могли больше верить соб-

ственным глазам—туманные формы ледяных холмов, снежные вершины, огромные пространства снега...

Собаки были превосходны. Передовая—Террор—работала так много, что с трудом могла стоять на ногах. Мы кормили ее досыта и клали в палатке; на другой день она бегала попрежнему. Никакие собаки не могут сравниться с эскимосскими; их неутомимое мужество и выносливость не знают равных себе. 2 января, возвращаясь на судно, мы открыли путь, идущий вокруг рифов к заливу, на запад. Решили начать перевозку припасов в „Маленькую Америку“.

Надо было поспешить, иначе разгрузка судов запоздала бы.

ГУЛЬД НАЗНАЧАЕТСЯ ВТОРЫМ КОМАНДИРОМ.

Я назначил Ларри Гульда вторым командиром экспедиции и послал его в „Маленькую Америку“. Третьим командиром был назначен капитан Мак-Кинлей. На него я возложил ответственность за все материалы, приготовленные для постройки жилищ и складов.

При хорошем состоянии дороги собаки могли пройти два раза туда и обратно, т. е. сделать 80 километров в день. Лед постепенно таял; очень часто люди и собаки проваливались. Собаки работали без усталы и успели уже перевезти 650 тонн груза.

14 января мы получили извещение о том, что „Боллинг“ покинул Дунедин. В этот раз он был нагружен сотнями тонн всевозможных запасов для пополнения „Нью-Йорка“. Каждый ящик был под номером, каждый тук зарегистрирован и занесен в специальную графу. Нашей задачей было вести подробный учет всему грузу, чтобы каждый пред-

Завтрак на льду бухты.

мет, нужный в экспедиции, был налицо. На „Нью-Йорке“ мы насчитывали 54 человека, один аэроплан, 80 собак, 5,4 тонны авиационного газаolina, 75 тонн угля и запас пищи, достаточный для 54 человек в течение 15 месяцев. Наши радиооператоры были заняты в течение 24 часов переговорами

с „Нью-Йорком“ и нашей базой в Дунедине. „Элеонора Боллинг“ должна была доставить еще два аэроплана, собак и 34 тонны газа.

Между тем люди продолжали геркулесовую работу, они перевозили с корабля в „Маленькую Америку“ все то, что могло создать на замерзшем континенте американское селение с электрическим освещением, керосиновыми печами, с водоснабжением и вентиляцией. Между прочим кто-то заметил:

— Вам конечно не понадобится устраивать систему охлаждения.

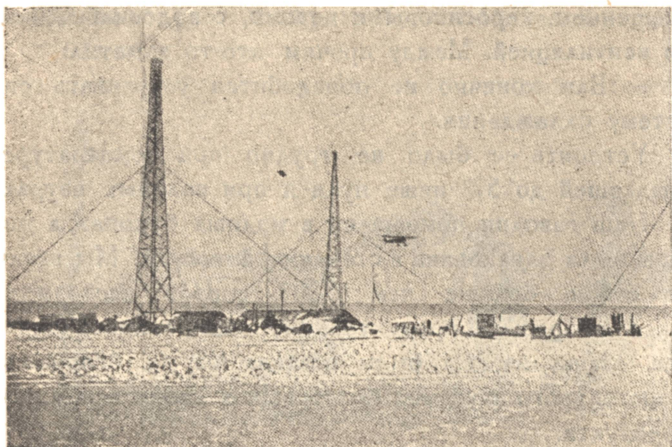
Устроить ее было не трудно при температуре, падавшей до 57° ниже нуля и при сильных ветрах.

Наш газолин помещался в медных бидонах, а пища была запакована в стеклянной посуде. Мы взяли с собою больше чем 1200 сортов всевозможных пищевых продуктов, хорошо сохраняющихся. Наши запасы были составлены на основании тщательного изучения питательных свойств каждого продукта.

ПОСТРОЙКИ БЕЗ ГВОЗДЕЙ.

Инженер экспедиции выработал стандартный способ постройки легких, прочных, непроницаемых для ветра и холода зданий. В план построек входили здания управления, спальни, мастерской и столовой. Стены и крыши были в десять сантиметров толщиной и окрашены в оранжевый цвет для того, чтобы они были заметны с аэроплана.

Внешняя обшивка состояла из твердых строевых досок в 35 сантиметров толщиной, затем шла изоляция в 35 сантиметров, затем два слоя волокнистой изоляционной доски, и наконец внутри три слоя масляной краски. Весь материал был приготовлен и прикреплен к рамам из соснового дерева.

„Маленькая Америка“ — городок экспедиции во время постройки.

Каждая секция весила 46 кг, размеры ее были 1 метр на 2½ метра, и два человека могли легко поднять ее.

Постройки были без гвоздей.

Балки, поддерживающие здания, прикреплялись болтами, не выходящими наружу, чтобы холод не проникал извне.

В большом здании, предназначенном для занятий, были комнаты с письменными столами, досками для черчения и другими аппаратами для физика, геолога и метеоролога; там же помещалась вся наша библиотека.

У доктора было свое помещение, служившее также амбулаторией и больницей. В этом же здании помещалась радиолaborатория.

Столовая служила также спальней и примыкала к другому спальному зданию, сообщавшемуся со столовой посредством туннеля. Рядом была фотографическая лаборатория. И тут же поблизости мастерские.

Мы устроили также метеорологическую станцию и магнитную обсерваторию.

По другую сторону нашего селения стояли прочно построенные и растянутые проволоками 20-метровые радиобашни.

ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ НА СЛУЧАЙ ПОЖАРА.

На случай пожара мы расположили здания далеко друг от друга. Так, столовая была на расстоянии 100 метров от комнаты, где происходили занятия. Если бы одно из больших зданий сгорело, у нас осталось бы другое. Кроме того система отдельных построек вносила разнообразие в монотонность жизни и давала возможность ходить в гости друг к другу.

Большинство людей, смотревших за собаками, жили в Норвежском доме, который помещался между комнатой для занятий и столовой. Механическая мастерская и авиационная мастерская, а также склад радио были построены из ящиков и корзин из-под аэроплана.

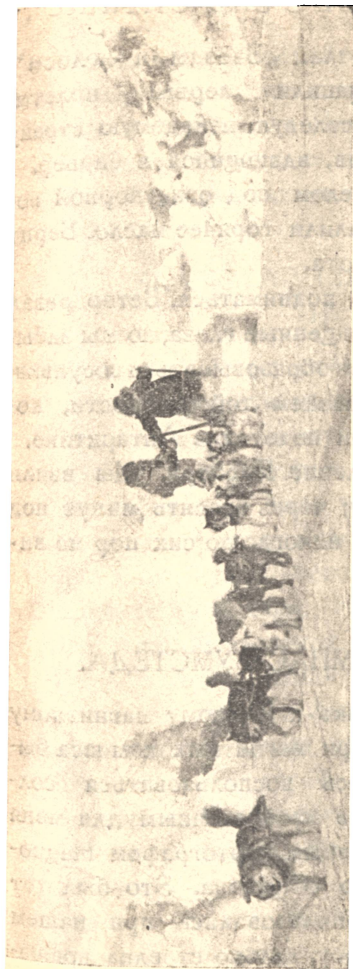
Другие помещения были построены из снега, как например склад медикаментов, гимнастическая комната, метеорологическая станция и дом для магнитных наблюдений.

Снежный ураган прервал работу на два дня. Первый дом был выстроен только наполовину, и мы боялись, что его разбросает ураган.

Между тем еще большая опасность угрожала от урагана нашему судну. Мы следили непрерывно за якорями; нам казалось, что сильным напряжением их может сорвать. Если бы ветер переменялся, пришлось бы отчалить, так как иначе судно могло быть зажато льдом. Когда буря улеглась, судно оказалось на якоре, и наш неоконченный дом остался целым.

14 января мы выгрузили аэроплан, привезенный на „Нью-Йорке“. Это был моноплан Фэрчайльда с высокими крыльями; он имел мотор Уаспа в 425 лошадиных сил, дающий возможность делать 224 километра в час и подниматься с полным грузом до предельной высоты в 4500 метров.

Первоначально он был построен для фотосъемки с высоты; пол и щит от ветра в нем были стеклянные; окна широкие.

Перевозка материалов на собаках.

„Старс энд страйпс“.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ „СТАРС ЭНД СТРАЙПС“

Мы назвали наш аэроплан „Звезды и полосы“. 15 января мы совершили первые полеты. Поднимались семь раз, исследуя неведомую страну к западу и глубокий залив, вдающийся в барьер.

Мотор был нагрет факелом под огнеупорной крышкой и в резервуар налили горячее масло. Бернт Бальчен занял место пилота.

Аэроплан начал плавно подниматься. Ветер резал лицо, свет ослеплял незащищенные глаза, но мы забыли о холоде. На руле начали образовываться сосульки: это являлось предостережением той опасности, которая может угрожать при полетах в Антарктике.

Бальчен передал управление Паркеру. Мы взяли направление к юго-западу; через десять минут под нами расстилались места, никогда до сих пор не виданные человеком.

СОЛНЕЧНЫЙ КОМПАС БУМСТЕДА.

Мы были слишком близко к Южному магнитному полюсу, и потому наши три магнитных компаса были бесполезны. Пришлось воспользоваться солнечным компасом, впервые изобретенным для меня в 1925 г. Бумстедом, главным картографом Национального географического общества. Это был тот же компас, которым мы пользовались при нашем полете к Северному полюсу, только стрелка вращалась в противоположном направлении. Мы пролетали

над гаванью никем не отмеченной на географической карте. Гавань эта была расположена на западной стороне Китовой бухты. В это время стрелки компасов закачались с головокружительной быстротой, и я вспомнил о Чембэрлине и о тех хлопотах, которые он испытал в начале своего перелета через океан. Я назвал гавань его именем.

ЗАЛИВ ЛИНДБЕРГА ПОМЕЩЕН НА КАРТУ.

Пролетевши еще километров 40, мы увидели прекрасный залив, окаймленный ледяными утесами, стремящимися ввысь на сотни метров. Устье залива было шириною в 500 метров, глубина его—километров 30; ния сторона его была покрыта льдом, гладким, как бильярдный стол, вдоль него лежали сотни тюлезадней; они тяжело поворачивали тела, слыша такой оглушительный шум. На западе я заметил облака такого же образования, какие я наблюдал при моем перелете через Атлантический океан. Мы назвали эту гавань гаванью Линдберга. Мы взяли с собою в аэроплан спальные мешки, сани и другие предметы на тот случай, если бы вынуждены были спуститься. Пролетевши еще немного к югу, решено было возвращаться. На половине пути мотор внезапно остановился. Смит взял направление вниз к снегу, быстро сообразивши, что один из баков опустел, и повернул клапан. Движение вниз привело машину опять в движение.

Несмотря на то, что было плохо видно, Смит спустился как нельзя лучше. Мы провели в воздухе полтора часа и осмотрели около 3 200 кв. километров, на что потребовалось бы несколько недель, если бы осмотр происходил по земле.

Кит, двигаясь по ходу льда, заплыл в тупик и не мог вернуться в море, так как лед сомкнулся за ним.

25 января, в солнечную ночь, Малькольм Гансон, наш главный радист, отправил радио с нашего аэроплана в Нью-Йорк.

Мы построили два дома и продолжали перевозить припасы. День за днем люди и собаки тащили тонны за тоннами в нашу базу.

Каждый день приносил все новые и новые приключения. Однажды, когда мы старательно искали

места для стоянки поближе к нашей базе, за нами погнались киты. Этот род китов больше средней акулы, они плотоядны и любят нападать, плавают стаями и легко побивают больших китов в 80 или 90 тонн весом.

Стая китов проплыла недалеко от нашей моторной лодки; заметивши нас, они направились в нашу сторону. Мы повернули и взобрались на лед; киты погнались за нами, они нырнули под лед, и мы ожидали, что они разобьют лед своими носами, как они делают охотясь на тюленей, но очевидно это не входило в их планы, и они удалились.

ЗАПАСЫ, ВЗЯТЫЕ НА АЭРОПЛАН, НА СЛУЧАЙ ВЫНУЖДЕННОЙ ПОСАДКИ.

28 января мы ждали прихода „Элеоноры Боллинг“; погода была идеальная, и мы решили отправиться на запад по направлению к горам Александра. Мы знали, что если полет не будет успешен или если придется спуститься, мы задержим разгрузку прибывшего судна. Нам не хотелось откладывать поездку, так как благоприятные условия для полета в Антарктике очень редки и мы не хотели его пропускать. Полеты для исследования полярных областей сопряжены с затруднениями. Во-первых аэроплан всегда перегружен. Приходится брать с собою запас пищи, сани, радио для установки на земле, газолиновую печь, одежду и т. д. на случай вынужденной посадки. Континент

Южного полюса являлся совершенно пустым. Конечно при установке нескольких баз можно путешествовать, не думая об опасности, но к сожале-нию баз у нас еще не было. Мы взяли с собою 317 килограмов груза. Каюта была очень загружена. Под'ем был довольно затруднителен, но все-таки через 30 секунд мы полетели.

Находясь в воздухе, мы получили радио о том, что „Элеонора Боллинг“ подошла к барьеру. Это было единственное стальное судно, которое достиг-ло барьера. Меня очень критиковали за то, что я позволил себе такую оплошность, как стальное судно в антарктической экспедиции, но я решил, что „Элеоноре Боллинг“ в состоянии принять участие в нашей экспедиции, нужно было только вооружиться терпением и ждать, пока лед начнет ломаться. Я ре-шил взять „Боллинг“ в виду того, что не было де-ревянного судна, которое по своим размерам могло бы вместить аэроплан и другие припасы. Капитан Броун и остальная команда прекрасно справились с задачей.

ПЕРВОЕ ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ.

Возвратимся к полету. Спустя час мы пролетели мимо прекрасной бухты в ледяном барьере. Бухта была глубиною приблизительно в 16 километров, а выход из нее был шириною в несколько километров, Через минуту я увидел вправо выступающую из снега вершину и отметил ее для исследования в будущем.

Мы продолжали путь и впереди заметили смутное очертание вершины; это был „Нунатак“ Скотта, состоящий из куска обнаженной скалы. Скотт в 1902 году заметил эту вершину со своего корабля. Мы подлетели к ней ближе; Скотта лед заставил повернуть обратно. В 1911 году лейтенант Претруд из экспедиции Амундсена, после борьбы, продолжавшейся несколько недель, достиг ее, следуя по линии побережья.

Мы продолжали лететь на высоте километра, но затем наткнулись на снежные шквалы, от которых пришлось увертываться. Было очень обидно, что нельзя было продолжать лететь в этом направлении, так как мы проникли за пределы известных до того времени мест. Местность к югу видимому была лучше, поэтому мы взяли курс внутрь страны и направились к югу, по направлению к замеченной мною ранее вершине.

Мы летели на высоте приблизительно 1 200 метров. Вдруг Балчен закричал и стал на что-то указывать. Мы увидели горную вершину, на которой были заметны большие протяжения обнаженной скалы. Это была вершина, которую мы уже видели ранее, во время полета; тогда она была от нас вправо. По мере нашего приближения, за этой вершиной стали обрисовываться одна за другой другие такие же вершины.

Наше первое серьезное открытие было сделано. Я насчитал четырнадцать горных вершин (их было больше), которые тянулись к северу и югу прибли-

зительно на 50 километров. Наконец явилось то, что мы могли занести на карту: эти вершины были прекрасной лабораторией для геологического исследования. Затем возник вопрос: а что находится за этим хребтом? Но оставалось мало газа, и нам пришлось повернуть обратно; мы благополучно вернулись после пятичасового полета, осмотрев территорию приблизительно в 25 000 кв. километров.

РИСК—ЗАЛОГ УСПЕХА.

Возникал вопрос, куда идти. Ледяная стена, в том месте, где мы разгружались, была совершенно прямая как кверху, так и книзу, и высота ее была в уровень с мостиком „Боллинга“. Единственным способом выполнить нашу задачу было идти судну вдоль берега и разгрузаться.

Я знал, какой опасности мы подвергались в том случае, если бы от барьера стали вдруг отламываться громадные куски. Тем не менее приходилось на это решиться. Мы прибегали к такому же способу в Шпицбергене, когда перевозили аэроплан на пароме на берег по движущемуся льду. Мы укрепили „Боллинг“ к ледяному барьеру, а „Нью-Йорк“ был прикреплен к нему с противоположной стороны.

Мы работали день и ночь, пользуясь канатами, лебедкой и длинными тросами, которыми поднимали материал на барьер. Необыкновенно большое количество грузов было перенесено в короткий срок.

Использование товарища вместо треножника.

Я не мог спать, зная, какой опасности подвергается не только успех нашей экспедиции, но и жизнь работавших людей.

Трудно вполне оценить, как тяжело руководителю подвергаться серьезной опасности подчиненным ему людям.

БАРЬЕР ЛОМАЕТСЯ. — СПАСЕНИЕ.

31 января я сидел в своей каюте со штурманом. Вдруг я услышал страшный треск. В один момент я очутился у двери. Еще не дойдя до нее, я знал, что случилось — барьер сломался. Я увидел дно качавшегося „Боллинга“; не понимаю, как он не опрокинулся, когда ледяная гора обрушилась на его палубу.

Несмотря на эти неудачи, „Боллинг“ был разгружен в 5½ дней и 2 февраля он отправился обратно в Новую Зеландию. Среди с’естных припасов, которые он нам доставил, оказалось 20 ящиков „грэйп-фрут“¹ и апельсинов. Странно было видеть человека, расположившегося на льдине с апельсином в руках.

Движение льда в море Росса происходило в западном направлении. Обычно лед проходил мимо устья бухты, двигаясь подобно бесконечной армии, одетой в белое, но часто он заходил и в бухту, угрожая нашему судну. Приходилось все время

¹ Грэйп-фрут — фрукты, являющиеся результатом скрещивания апельсина с лимоном.

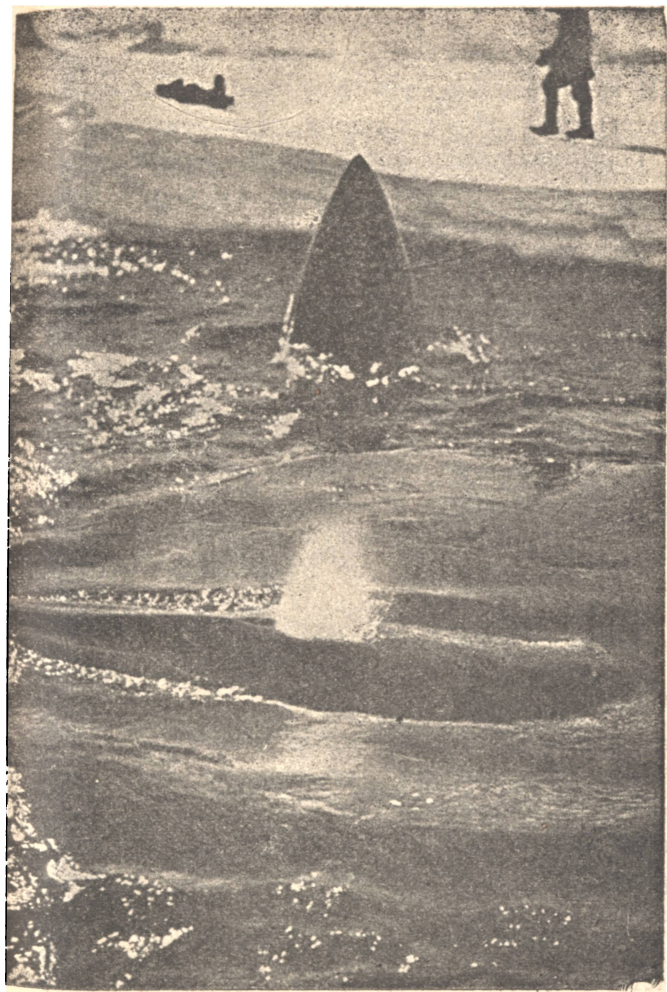
Весеннее движение льдов. Фотография снята с аэроплана. Каждая льдина, изображаемая здесь точкой, на самом деле имеет от 3 до 7 метров ширины и приблизительно такую же толщину.

двигаться. Еще больше можно было опасаться быть зажатым между множеством льдин и сделаться добычей ледяных гор, медленно движущихся по ледяному полю. Любое судно могло быть раздавлено натиском ледяной горы. В течение последней недели происходили частые штормы, так что наконец, во избежание того чтобы наш „Нью-Йорк“ не ударился о ледяную преграду, нам пришлось выйти в море Росса. Эти недели были очень важны, но они дали нам возможность сделать наблюдение над движением льда из громадных неизвестных областей, лежащих на востоке.

Мне казалось, что замерзший поток указывал на то, что эта неизвестная область, по крайней мере частично, является архипелагом. Нам так хотелось поскорее попасть в эту неизвестную область, что мы сделали несколько попыток продвигаться на „Нью-Йорке“ вдоль ледяного барьера, но всякий раз мы принуждены были возвращаться, так как стихия не позволяла двигаться дальше; в последний раз заставил вернуться ослепляющий шторм и толстый лед, образующий сплошное ледяное поле.

Мы не оставляли своих попыток. В следующий раз была сделана попытка пробраться по воздуху. 18 февраля погода оказалась благоприятной, и мы отправились на двух аэропланах.

Термометр отметил во время полета от 28 до 30 градусов ниже нуля, но мы были тепло одеты, и в каютах было удобно.

Маленький кит показывается из воды.

МЫ ВИДИМ НОВУЮ ЗЕМЛЮ.

Пролетев горы Рокфеллера, я написал Балчену: „Я как будто вижу землю на востоке. Попробуем полететь туда“. И мы полетели по направлению к горе.

Гора оказалась возвышением, имеющим форму рога. Ее исследование решено было отложить до более ясной погоды.

Мы проникли приблизительно на 150 километров далее к югу, чем это было достигнуто при предыдущих полетах. Дальше к югу повидимому лежала возвышенная земля, но миражи и ошибки так часто приводили даже опытных исследователей к неправильным заключениям, что я воздерживаюсь утверждать, что-нибудь, чего я не могу подтвердить фотографией. Однако мы были вознаграждены за этот полет, открыв великолепную новую горную вершину, лежащую на восток от гор Рокфеллера. Там почти наверное была земля, расположенная на восток от мест, на которые притязает Англия.

По возвращении нашем в „Маленькую Америку“, Мак-Кинлей просил разрешения сделать полет на аэроплане Фэйрчайлда вдоль побережья, чтобы собрать материал для нанесения на карту, на что я дал свое согласие. По его отбытии я пошел обратно на „Город Нью-Йорк“. Когда я вошел в радиокаюту, в громкоговорителе был слышен звук пропеллера аэроплана.

Время от времени поступали известия о его полете. В одном сообщении Мак-Кинлей извещал, что

он видит горы Рокфеллера и просил разрешения снять их фотографическим аппаратом для карты. Я тотчас дал на это согласие. Он находился тогда далее чем в 160 километрах от нас.

Большим подспорьем в работе была возможность сидеть на базе и сообщаться по радио с каждым членом экспедиции, с судном с припасами, снова идущем на юг из Новой Зеландии, с нашей базой, расположенной на льду, и с аэропланом в воздухе.

Наш первый короткий исследовательский сезон окончился. Мы стали готовиться к длинной антарктической ночи. 22 февраля, стоя на краю льда, мы наблюдали, как „Нью-Йорк“ скрылся в тумане, окутавшем Китовую бухту. Если „Боллингу“, как я предполагал, не удастся пробраться к нам еще раз, мы должны будем остаться отрезанными от мира на ледяном барьере на год. До наступления лета ни одно судно не могло пройти через зимний лед моря Росса. Мы повернули по следу внутрь страны. Хвосты собак развивались, как перья. Капюшоны были покрыты снегом; люди шутили, толкая друг друга в снежные кучи. Мы одни в Антарктике.

Сообщения, получаемые мною с „Нью-Йорка“, были зловещи. Я привожу из своего дневника сообщение, полученное 23 февраля:

„Лед постоянно делается толще и состоит из громад, в несколько гектаров каждая. Несколько минут тому назад треснуло большое поле; лед толщиной от 10 до 15 сантиметров разбит более чем

на километр. Делаем лишь около одного узла. Замерзание повидимому продолжается, и „Город Нью-Йорк“ продвигается вперед с большими затруднениями. За нами, в нашем кильватере, вода замерзает“.

Мне сообщили также, что лед намерзает вокруг руля, так что временами его нельзя было сдвинуть. Нужно было постоянно работать, чтобы очищать его.

Немного спустя я получил от капитана Мельвиля следующее сообщение: „Ветер Ю.Ю.З, сила 4; под парами и парусами прокладываем себе путь через новый лед, занимающий площадь, насколько может видеть глаз. Толщина льда от 15 до 30 сантиметров и повидимому образуется между отдельными, далеко друг от друга отстающими массами льдин, которые невелики, но заметны во всех направлениях“.

Позднее „Нью-Йорк“ был затерт, и ему пришлось вернуться, чтобы найти место, где бы он мог пробиться.

Пройдя еще несколько километров к северу, „Нью-Йорк“ наткнулся на непроходимую массу льда. Так как запас угля на нем был невелик, положение снова оказалось опасным.

СОРОК ДВА ЧЕЛОВЕКА ПРОВОДЯТ ЗИМУ НА ЛЬДУ.

Нас осталось сорок два человека. Мы быстро принялись за работу; нужно было окончить постройки и разместить запасы до зимы, которая должна была скоро наступить. Нужно было спешить, так как

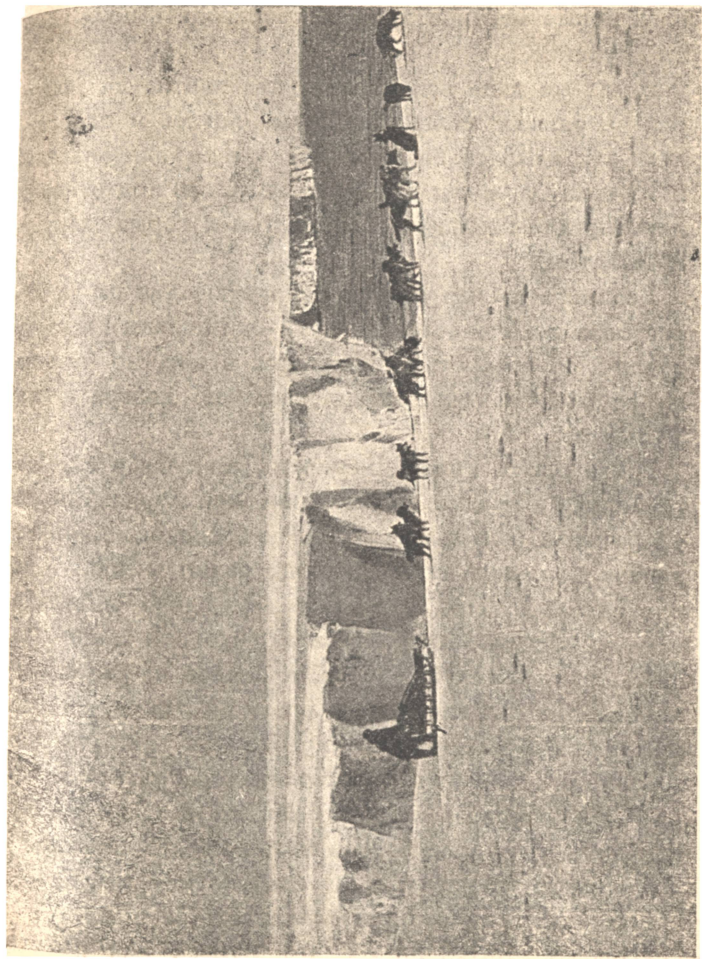
„Маленькая Америка“ с птичьего полета. База экспедиции была расположена на ледяном Барьере, при чем под ней находилось около 30 метров слежавшегося снега и льда и 500 метров воды.

антарктическая зима слишком холодна, чтобы можно было работать вне жилища.

Я описывал уже общее оборудование „Маленькой Америки“. Это было прекрасное, но дикое место. За оранжевыми хижинами высокие мачты беспроволочного телеграфа, похожие на нефтяные вышки, и призрачные очертания укрепленных аэропланов оттеняли линию ледяной преграды. Длинные убегающие линии холмов были окрашены постоянно меняющимися цветами. Подавляющее одиночество и жуткая тишина нависли над этой неподвижной замерзшей землей. Нас часто окутывал снег; скоро мы должны были погрузиться на долгое время в темноту.

Сборка башен для радиостанции являлась трудной задачей. Она была выполнена Тэдди Бэйером и Джимом Фьюри, которые до этого не имели практики по сборке стальных частей. Они укрепили основания во льду и установили подмости, на которых можно было установить тонкие стальные скобы к 20-метровым башням; во время этой работы люди замерзали до костей и обмораживали себе руки. Башни поддерживали не только антенны, но и метеорологические инструменты, защищенные щитами. Ловкость этих людей была удивительна.

8 марта Гульд полетел к Рокфеллеровскому хребту для организации базы и осмотра земельных образований. Он намеревался также определить положение хребта при помощи теодолита. Эта экспедиция имела большое значение. Высадка людей на хребет

Соба́чья упря́жка в пу́ти.

доказала бы, что авиация может не только открывать новые местности, но и производить подробное их изучение.

В тот же день вспомогательная партия на четырех запряжках собак покинула лагерь и отправилась закладывать базы на Барьере по направлению к Южному полюсу; эти базы являлись подготовкой для поездки геологической партии к горам следующим летом.

Вспомогательная партия, отправившаяся на санях, состояла из 6 человек. В пути они попали в шторм, дувший со скоростью 100 килом. в час, но тем не менее люди и собаки благополучно возвратились 13 марта.

В это время Гульд, Балчен и Джун были еще на горах, где в течение нескольких дней дурная погода удерживала их в палатках. Мы не беспокоились о них до тех пор, пока сообщение по радио внезапно не прекратилось. По истечении двух дней молчания я начал беспокоиться. Я знал, что они закончили свою геологическую работу, и боялся, не разбились ли они при под'еме или во время полета где-нибудь между Рокфеллеровским хребтом и „Маленькой Америкой“. Мы имели намерение пробраться к горам для поисков; погода была плохая, но Гейнс сообщил, что такая погода могла продлиться долго и совсем не исправиться до наступления зимы.

Оставалось лишь одно—следовать за ними.

Итак, несмотря на то, что погода для полета была опасна и по временам дул легкий ветер, мы

с Гансоном и Смитом решили подняться. Мы направились к южной части гор. Нам долго не удавалось увидеть их. Я только что похлопал Смита по плечу, желая сообщить ему, чтобы он повернул к северу, как он воскликнул, показывая вниз:

„Вон огонь“!

По крайней мере один из наших товарищей был жив и находился поблизости. Мы описали круг и быстро приблизились ко льду. Я тотчас увидел разбитую „Вирджинию“ на снегу. Были ли остальные двое ранены? Становилось очень темно. Местность казалась неровной и изборожденной и не сулила хорошего спуска; однако, согласно заранее установленному плану, было видно место в виде буквы „Т“, обставленное оранжевыми флажками, что служило указанием, что спуск возможен. Дин Смит спустился великолепно.

Я выскочил из аэроплана и с тревогой стал смотреть по сторонам. Сначала я увидел Джюна, затем появился Гульд. Но где же Бернт? Наконец и он выбежал из палатки. Я не могу описать облегчения, которое я испытал. Все были здоровы, но были в отчаянии после боя, который им пришлось выдерживать со штормом, разбившим их аэроплан.

Дело было так: поднявшийся ветер стал дуть с быстротою более 190 километров в час. Все трое, стараясь укрепить и удержать аэроплан, в течение нескольких часов боролись со штормом, который забрасывал их целыми кусками снега, летевшими с вершин, отстоявших на два километра. Наконец

сильный порыв ветра сорвал аэроплан с удерживающих его веревок, подбросил его высоко на воздух и нес целый километр, после чего жалкие остатки упали на ледник.

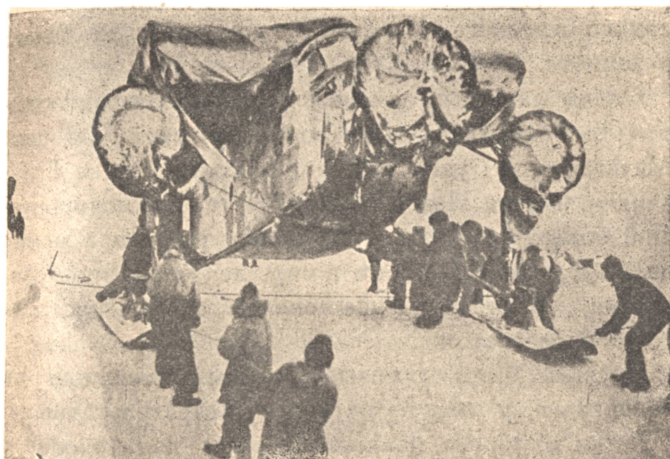
Этот опыт научил нас тому, какую опасность может представлять антарктическая погода для аэропланов. Единственным лицом, которого не огорчило это приключение, был „Циклон“ Гайнс, который уверял, что мы сделали очень важное открытие, а именно узнали новую местность, где господствуют штормы; по его мнению, она походила на землю Адэли, где Маусон наблюдал ужасные штормы и где средняя годовая скорость ветров равна 82 километрам, а штормы дуют круглый год.

Мы зарыли на зиму оставшиеся у нас два аэроплана в помещения, сделанные из снежных глыб.

1 апреля термометр опустился до 44 градусов ниже нуля. Люди продолжали работу, рыли туннели для сообщения между хижинами и убирали выгруженный на барьер материал с „Боллинга“. Это была колоссальная и вместе с тем леденящая работа. Кладовая была почти совсем занесена снегом. Когда туннели были закончены, оказалось около полукилометра подземных (подснежных) ходов, так что мы могли ходить из шалаша в шалаш и проходить к нашему складу тюленьего мяса, не подвергая себя действию холода, который немедленно обмораживал всякую обнаженную часть тела. Мы зарыли несколько таких же траншей для укрытия наших собак.

СОЛНЦЕ ПРОЩАЕТСЯ НА МЕСЯЦЫ.

Наша газолиновая машина давала электрическую энергию для радио и освещения, а также для лечения „горным солнцем“, которым мы иногда пользовались.

Остриженные на зиму крылья. Аэроплан с надетыми на моторы „шубам“ и со сложенными крыльями вдвигается в сарай на зимовку.

18 апреля солнце с нами простилось. Накануне оно проползло вдоль горизонта в виде тлеющего шара и медленно скрылось из вида. Лишь в августе мы снова увидели его из нашей котловины. Наступили долгие, длинные сумерки; холод усилился.

РАЗГОВОР С ГРЕНЛАНДИЕЙ.

Жители почти всего земного шара имели возможность слушать программы, передаваемые в течение зимних месяцев по радио, но люди, находящиеся дома, вряд ли могут понять, какое громадное значение имели эти передачи для нас в течение самого трудного времени, т. е. месяцев жизни в темноте.

Одним из самых замечательных наших радиоопытов был разговор с метеорологической станцией Мичиганского университета, находящейся в Гренландии, на горе Иванос. Радист Петерсон, почерпнувший большую бодрость из этого разговора между двумя самыми большими в мире ледяными пространствами, сравнивал наше сияние с гренландским солнечным светом.

Месяцы были тяжелы, но мы проводили их не праздно, и они не остались безрезультатными. Одними из самых ценных добытых нами научных данных являются сделанные Гейнсом и Гаррисоном ежедневные записи температуры, барометрического давления, направления и быстроты ветра. Мы производили также наблюдение над состоянием льда и поставили ночного часового для наблюдения южного сияния, этого чарующего зрелища, которое соответствует северному сиянию в Арктике. В течение всей зимы Франк Дэвис продолжал свои магнитные наблюдения при помощи чувствительных инструментов.

ЖИВЕМ, КАК СЕМЬЯ КРОТОВ.

По мере увеличения холода и темноты жизнь совершенно изменилась. Мы обратились в семью кротов, бегая с фонарями по блестящим снежным туннелям. Мы выходили только на короткие прогулки или когда нужно было исполнить какую-нибудь работу.

Ночью, в час, часовой в шубе, с капюшоном на голове, должен был подбрасывать уголь в печь в библиотеке; только в одной этой печке поддерживался огонь в течение часов сна.

В соседней комнате стоял ряд двойных деревянных нар; на каждой из них помещалось по скорчившейся фигуре в ночном мешке, с головой, втянутой, как у черепахи.

Каждые полчаса одинокий часовой должен выскакивать на страшный холод. Южное сияние рисует свои причудливые вертящиеся картины на мертвом небе.

Часовой отмечает облака, проверяет термометр и термограф, чтоб убедиться, что записывающие механизмы не остановились от холода. В шесть часов он разводит огонь в кухонной плите, которая находится около кают-кампании, против помещения с нарами.

Часы благодаря холоду бьют на очень высоких нотах, и часовой дает сигнал: он зовет Гарри Гулда, на обязанности которого лежит собрать всех к завтраку. Нашей главной задачей в течение зимы

является поддерживать хорошее настроение, а для этого мы должны быть заняты. Мы никому не позволяем оставаться в постели, так как я убежден, что если человек не станет соблюдать строгие рутинные правила во время долгой зимы, это непременно дурно отзовется на состоянии его духа.

Температура упала до $45,5^{\circ}$ ниже нуля.

Несмотря на мороз несколько человек в течение длинной зимней ночи гуляли по часу или более по крайней мере раз в сутки.

Мы нашли, что можем ходить на значительные расстояния в 30 километров при 45° и более и при ветре, не страдая от холода, если нам удавалось защитить чем-нибудь лицо. Мы изобрели маски для предохранения носа и щек. Хотя от холода и испарения они делались сырыми, но пока они не прикасались к коже, они продолжали служить защитой. Самой действительной защитой для лица была маска, сделанная по образцу маски для бейсболла, с воронкой, идущей ко рту и плотно к нему прилегающей, благодаря чему дыхание изо рта проходило, не задевая маску, и потому она долго не покрывалась льдом.

Было странно наблюдать при таких температурах туман.

При 45° ниже нуля в воздухе содержится очень мало влаги, но когда ветер приводит в движение более теплый и более холодный воздух, происходит сгущение этого минимального количества влаги и образуется настоящий туман.

От мороза борода и усы превращались в сосульки. Желтые очки предохраняли глаза от ослепительного блеска снега.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ СГУЩЕНИЯ ВЛАГИ.

В середине июня нас поразила теплая погода; это было неожиданно, так как тогда была как раз середина Антарктической зимы. Влага, при температурах от 20 до 23° ниже нуля образовала такие чудные ледяные кристаллы, что фотографы стали делать с них снимки при вспышках, освещавших дома, радиобашни и замерзшие антенны.

Я убежден, что ни один фотограф не испытывал таких затруднений и не проявил такой изобретательности, как наши.

Необыкновенная конденсация¹ при антарктическом холоде оказывала влияние на камеры и все наши научные аппараты. Если книга, полежавшая около холодной стены, открывалась в несколько более теплой атмосфере, от нее шел пар, как от чайника. Если человек стоял при входе в туннель, ведущий в дом, его дыхание производило такое испарение, что весь дом казался как в дыму.

Автоматические камеры переставали работать при 29° ниже нуля, так как благодаря холоду происходило сокращение пружин. Мы открыли, что можно было нагреть такую камеру над примусом, а затем вынести ее в капюшоне, держа около тела; в таком случае она работала в течение почти часа. Таким способом нам удалось сделать кинематографические снимки с Рокфеллеровского хребта.

¹ Сгущение.

Кинос'емка на льду.

Кинофильмы рвались при 31° ниже нуля. Приходилось их снова вставлять голыми руками в виду их незначительного размера; при этом приходилось следить за тем, чтобы не дышать в камеру, во избежание образования на ней инея. Во время этой работы пальцы прилипали к металлическим частям, и я видел, как после этого фотографы прыгали от боли и прятали руки подмышки.

Всего труднее было снимать метель. Если камера была обращена против ветра, на линзе скопился снег, а при постановке ее от ветра, снег очень быстро скапливался внутри аппарата.

КЕРОСИН ЗАМЕРЗАЕТ.

На родине керосин употребляется для того, чтобы предохранить автомобильные радиаторы от замерзания, а здесь, если оставить керосин в чашке около входа, он замерзает и делается твердым. Если оставить открытым вентилятор, пар из него выходит подобно тому, как выходит отработанный пар из паровой машины. Табак, постоявший в чашке под скамьей, так замерзает, что его можно вынести на ветер без риска, что он разлетится.

Холод продолжался в течение двух недель. Однажды в полдень, в июне месяце, ртуть дошла до 57° ниже нуля. Под влиянием такого холода ледяной барьер стал резко сокращаться, и мы слышали, как лед лопался и трещал. Когда образовались большие трещины, лед в бухте начал грохотать по-

добно отдаленным пушкам. Проволоки, которыми были стянуты антенные столбы, натянулись, как струны на арфе, и ветер играл на них разные мотивы. Для того чтобы зажечь свечи, которые мы ставили под метеорологическими шарами, приходилось сначала их согреть.

В холодный день Гансон предпринял поездку на 15 километров по барьеру для измерения тех слоев, которые влияют на радиоволны. Поездка заняла 48 часов. План этой работы был выработан в вашингтонской морской исследовательской лаборатории еще до нашего отъезда из Штатов.

Когда Гансон отправился первый раз, собаки отморозили носы, и поездку пришлось отложить; было 50° ниже нуля.

Погода потеплела, и Гансон отправился снова вместе с де-Ганалом и Воганом, взявши четырех собак. Воган сам запрягся впереди собак и, идя на лыжах, тянул сани вместе с собаками всю дорогу туда и обратно. Все трое работали на лыжах и вследствие темноты много раз падали.

На санях было 270 килограммов груза, состоящего из аппаратов, палаток, пищи и других необходимых припасов. Гансон нагрузил свой драгоценный осциллограф себе на спину, так как боялся, что он может быть поврежден при падении саней. Сухие батареи он положил под рубашку, для того чтобы они не замерзли.

По установке палатки, он вошел в сношение с Петерсоном. В основной радиокomite был уста-

новлен синхронный контрактор, так что Петерсон мог посылать короткие импульсы с быстротою попеременно 180 и 6 в секунду.

В течение 36 часов Гансон при помощи осциллографа и фотографии фиксировал те странные явле-

Рано начинают учиться своему ремеслу.

ния, которые происходят с волнами, и получил около 150 записей, указывающих необыкновенные колебания в сигналах коротких волн. Здешние условия оказывают влияние на все передачи коротких волн, которые проходят через Антарктику; в виду этого полученные данные будут очень ценны для радио сообщений.

ЗЕМНОЙ МАГНЕТИЗМ.

Другим важным предметом научного изучения был земной магнетизм. Линии силы, делающей нашу землю планетным магнитом, оказывают влияние на компасы всех плавающих в море судов, а теперь они играют роль и в нашей повседневной жизни в виду того значения, которое имеют для радиоприема.

Многие станции регистрируют магнитные данные. Ценные сведения были собраны немагнитным судном „Карнеджи“, но полярные области дают наилучшие результаты и были всего меньше исследованы. Магнитные штормы наиболее сильны и часты в Антарктике.

„Маленькая Америка“, отстоящая на 1275 километров от Южного географического полюса и на 1320 километров от Южного магнитного полюса (последний находится в земле Южной Виктории на $72^{\circ} 25'$ южной широты), является идеальным местом для магнитного наблюдения.

Кроме того, независимо от штормов и колебаний по временам года, земной магнетизм каждые одиннадцать лет проходит через цикл изменений солнечных пятен. Предыдущие исследования в Антарктике совпадали с наименьшим количеством солнечных пятен. А наша экспедиция наблюдала максимальную частоту солнечных пятен.

Наш физик, Франк Дэвис, расположил немагнитную хижину вдали от радиобашен, к югу от главного туннеля. Все железо со строительного леса

было снято, и для постройки применялись лишь латунные и медные гвозди.

Так как записывающий аппарат был фотографического типа, хижину пришлось сделать темной. Затем была вырыта яма такой глубины, что в ней могла поместиться вся хижина, и вокруг нее был нагребен снег, который был также наложен на крышу толщиной в 30 см.

В этой яме были установлены магнитный и электрический инструменты, доставленные нам институтом Каридежи в Вашингтоне.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К КОЛОССАЛЬНОЙ РАБОТЕ.

Одновременно с производством всевозможных записей и наблюдений, в течение этих зимних месяцев нам приходилось производить громадную работу по подготовке пешеходного путешествия в 2100 километров, которое должна была предпринять геологическая партия, затем путешествия вспомогательной партии и полет к Южному полюсу.

При планировании этих проектов требовалась большая тщательность. Геологическая партия могла пробыть в пути три месяца. Прежде чем отправиться, нужно было предусмотреть все случайности. Для того чтобы все могли вернуться благополучно, каждый план должен был быть вполне выполнен, а для этого каждый кусок пищи и все оборудование должно было быть точно рассчитано.

Наш полет к полюсу представлял особенности, с которыми до этого не приходилось встречаться, и условия, в которых он должен был происходить, не имели ничего общего с простым полетом на 1,300 километров внутрь страны и обратно. Нам предстояло лететь сотни километров над обнажен-

Бесконечные часы вычислений и планирования.

ной волнообразной поверхностью; затем нужно было подниматься на горный хребет в 4 200 метров высотой, а после этого продолжать путешествие через плато в 3 000 метров.

Пришлось проводить бесконечные часы над сложными вычислениями коэффициентов скорости, лошадиных сил, быстроты под'ема и решением других технических задач. До этого я кажется никогда не видел такого количества листов бумаги, покрытых цифрами.

Нужно было также решить вопросы о маршрутах, базах, возможной погоде, о размещении баз для возобновления топлива и массу других проблем.

Затем нужно было обсудить снабжение всех трех партий пищей и одеждой, а также палатками и собаками и определить личный состав каждой группы.

Все эти вопросы разбивались на массу более мелких, при решении которых нужно было принять все доводы, которые были за и против.

ПРИВЕТСТВИЕ ВОЗВРАТИВШЕМУСЯ СОЛНЦУ.

Наступившие в начале августа сумерки, предвестники медленно поднимающегося солнца, ускорили наши приготовления. 20 августа некоторые из товарищей влезли на радиобашню, чтобы взглянуть на солнце. Красный диск, двигавшийся вдоль горизонта, подобно огненному колесу, был страшно увеличен отражением.

Солнце стало видимо для наблюдателя, находящегося на поверхности, и 24 августа в честь его появления мы устроили торжество.

Но самая шумная дань старику-солнцу была отдана, когда мы разрыли снег с крыши собачьего туннеля и открыли в нем вентиляторы; навстречу свету и воздуху послышалась дикая смесь лая и воя.

Наступил сентябрь, и благодаря солнечному свету холод немного убавился. С 31 августа по 4 сентября включительно наблюдались соответственно следующие температуры ниже нуля — 40°, 51°, 54°, 44°.

Когда наш термометр показывал 51° ниже нуля, мы справились о температуре в Нью-Йорке. Там было 35° выше нуля, то есть между нашими двумя температурами была разница в 86 градусов. Удивительно, как человеческий организм может приспособляться.

20 августа солнце было видно с радиобашни.

Сентябрь окончился метелью, и когда мы подсчитали данные температур за сентябрь, средняя температура оказалась 42° ниже нуля, на 10° холоднее средней температуры, отмеченной Амундсеном за тот же месяц. Наша средняя температура за август была 33° ниже нуля, а у Амундсена — 45° , на 12° ниже нашей. В июле, по нашим записям, средняя была $42,5^{\circ}$, а по наблюдениям Амундсена — только $36,5^{\circ}$.

САНИ ДЛЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

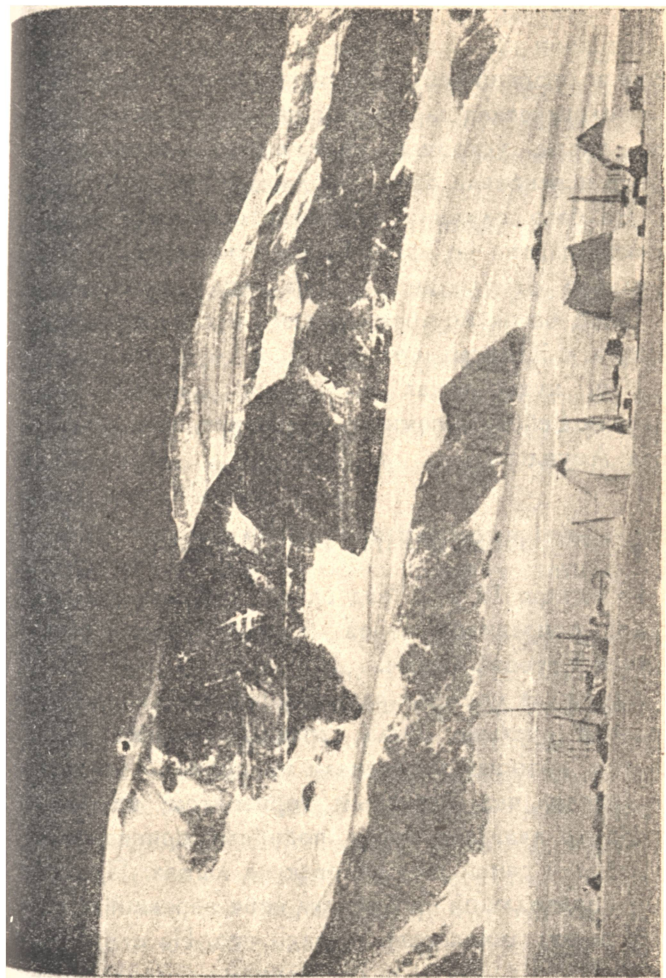
Во время этого холода мы продолжали работать — делали и чинили сани, укладывали припасы и инструменты для поездки на собаках геологической и вспомогательной партии, которые должны были отправиться на юг.

Возвращение солнца было отпраздновано.

Первой отправлялась вспомогательная партия, которая должна была пройти пслпути до гор и там сложить запас пищи для следующей за ней геологической партией.

Вспомогательная партия облегчила геологическую, избавив ее от обязанности везти груз, который мог бы ослабить собак и препятствовал научной ра-

База у подножья гор.

боте. Эта партия устроила склады пищи по пути на расстоянии 80 км. один от другого и проложила путь по опасной местности, испещренной расселинами.

Геологическая партия шла по следу на юг к $81^{\circ} 45'$, она также устроила склады по Гровеноровской тропе и основала базу у подножия гор.

Эта база служила штабквартирой для геологической партии во время ее работы в горах, а также, в случае необходимости, она могла служить аэропланной базой во время нашего исследовательского полета к Южному полюсу.

Наш путь лежал по прямой линии к ледник Аксель Гейберг, немного восточнее пути, которым шел Амундсен.

ПЕРЕДНИЙ НА ЛЫЖАХ.

15 октября 1929 г. ряд саней, запряженных собаками, отправился через первый откос барьера южнее Китовой бухты.

Волнистая снежная равнина, ведущая к обширной ледяной пустыне, была отражена нежным розовым цветом, который пересекали пурпурные тени. Солнце сияло над западным горизонтом; на востоке медленно двигался месяц, подобный привидению.

Впереди саней шел человек на лыжах. При трудных переходах он прикреплял себя веревкой к кому-нибудь из следовавших позади его. На его обязанности было следить за расселинами и прокладывать прямой путь.

Около собак бежали погонщики, тоже на лыжах. Сани были низки, с загнутыми концами и соединены по-двое для более равномерного распределения груза, который был упакован в прямоугольные тюки, называемые танками и прикрепленные к саням ремнями. Эти танки предохраняли груз от снега, и в случае, если сани опрокидывались, их можно было поднять, не отвязывая груза.

Через каждые полмили навигатором ставился оранжевый флаг на бамбуковой палке, чтобы те, которые должны были ехать позднее, могли видеть след. Мы нашли по опыту, что оранжевый цвет лучше всякого другого выделяется на снегу. Хорошая отметка следа уменьшала риск и сберегала время при обратном пути.

На остановках как в полдень, так и ночных двигались снежные валы, на вершину которых ставились флаги.

От людей и собак на холодном ветру шел пар. О собаках следует также упомянуть. Они тянули изо всех сил, почти ложась на живот и высунув языки. Люди тащили, напрягая мускулы и нервы и выполняя самую тяжелую работу, которую я когда-либо знал. Каждые полчаса была небольшая остановка для отдыха, а затем медленно, с трудом шли дальше. Было страшно холодно. Обыкновенно не многие знают, что чем холоднее, тем езда и ходьба становятся труднее. При температуре 45° ниже нуля снег действует на полозья, как песок.

Голозья проламывали корку и попадали на твердый снег, который они тоже продавливали. Лежащий под этим слоем зернистый, похожий на песок снег тормозил полозья саней. Местами сани опрокидывались и их приходилось поднимать. Иногда люди перепрыгивали на лыжах через небольшие препятствия; после такого прыжка лыжи крепко прилипали к снегу, благодаря чему прыгавшие падали на лицо.

В первый день было сделано 14,5 километров во второй—16, а в третий—только 11.

„ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ“ ПРИ СОЛНЕЧНОМ ЗАКАТЕ.

Вернувшись в лагерь, мы увидели зеленый луч. Это явление обычно наблюдается в тропиках, где солнце быстро опускается под горизонт. Благодаря атмосферическому преломлению свет исчезает в порядке преломляемости лучей. Красные лучи преломляются всего меньше, а потому исчезают первыми; затем идут зеленые и наконец синие.

Здесь движение солнца вниз продолжительнее; последние лучи мерцают над краем преграды по мере движения его к востоку, появляясь, исчезая и снова появляясь из-за поверхности преграды.

Вследствие этого здесь происходит ряд солнечных закатов. „Зеленое солнце“, как наши товарищи называли его, длилось 35 минут. Это явление вызывается особыми антарктическими атмосферическими условиями.

НА ДРОЖАЩИХ КРЫШАХ ЧЕРНЫХ РАССЕЛИН.

Мы с тревогой ожидали известий от вспомогательной партии об ее приключениях на холмистой, изрезанной расселинами местности вблизи Депо № 4, отстоящем от нас на 320 километр. Амундсен, возвращавшийся по этой местности, названной им „Западной“, описал, что она изрыта зияющими пропастями такой глубины, что в них могла бы поместиться вся его партия, и предательскими ямами, спрятанными за рифами.

Наши товарищи, связавшись между собой веревками, собирались прокладывать себе путь через эти ловушки. Они были готовы тянуть сани альпийскими веревками, если бы сани провалились в пропасть.

28 октября де Ганал сообщил по радио: „К югу от 81° широты на вершине холма, идущего на восток и на запад, показался ряд бугорков, зубчатых вершин и волнообразных куполов.

„Когда мы прошли восемь километров, Бернт, идущий во главе перевязанного веревками каравана, остановил свои сани. Собаки его оказались на крыше, простирающейся над круглой ямой в 15 метров диаметром.

„Крепко перевязанные веревками, мы решили сделать рекогносцировку пешком. Вскоре оказалось, что поперек нашего пути лежат расселины, в большинстве закрытые крышей.

Балчен, сойдя с саней, ступил в трещину, в которую он погрузился до талии. Его вытащили,

но через несколько минут он попал в другую западню.

„Мы продолжали двигаться с запряжками, но через несколько минут оказались окруженными пустыми куполами; мы шагали по трясущимся крышам. Мы пересекли риф, который на вид был безопасен, спустились на 3,5 метра по краю открытой ямы, дно которой чернело, и повернули упряжки к западу“.

Таково было описание изрезанной расселинами местности; неудивительно, что я волновался, когда запряжки в нзе попали. Радио может представлять большие преимущества, но, с другой стороны, благодаря ему сильно возрастают заботы руководителя, когда подчиненные ему единицы разбросаны.

Пройдя изрезанную трещинами местность, вспомогательная партия 1 ноября достигла своего назначения, на 81°45' южной широты, где в Депо № 4 она устроила последний склад и повернула обратно.

Три дня спустя геологическая партия во главе с Л. Гульдом отправилась в свое путешествие к горам королевы Мод, на краю Полярного плато, отстоящего от нас на 650 км.

ТАЙНА АНТАРКТИЧЕСКОГО СФИНКСА.

План этой экспедиции был разработан самым тщательным образом во всех деталях. В течение зимы все трудились над этой работой. Экспедиция должна была отсутствовать три месяца, из которых

один месяц должна была потратить на наблюдения и собирания данных об одной из самых важных и наименее известных местностей Антарктики; в этом заключался один из наших главнейших проектов. Можно сказать, что решение этой задачи

Мятель не беспокоит эскимосских собак.

составляло одну из самых серьезных геологических миссий, которую предстояло решить миру.

Собаки были впряжены после завтрака. Они натянули веревку, порывали друг на друга и с возбуждением бросились по следу.

Упряжка была сделана по „алясскому“ способу, т. е. собаки были заложены по обе стороны длинной веревки, задетой за сани; к концу веревки прикрепляется одна собака, которая является руко-

водителем, и погонщики управляют ею криками „Хоу“.

При хороших условиях собаки выдерживают продолжительную работу. Но при очень низких температурах они быстро устают, как и всякие другие существа. Наши собаки спали на открытом воздухе при 45° ниже нуля и в них развилась значительная выносливость.

На всех десяти санях геологической экспедиции было размещено 2500 кгр. груза. Всякая мелочь была взвешена, и все, что не являлось абсолютно необходимым для здоровья и безопасности людей и собак или для научной работы, было исключено.

В течение зимы люди, смотревшие за собаками, откладывали заранее дневные порции в отдельные мешки, чтобы не тратить на это время в пути. На каждого человека полагалось около одного килограмма в день.

Не следует забывать, что часть припасов, в особенности пища собак, была запасена заранее на первых четырех депо.

НАУЧНО РАССЧИТАННАЯ ПИЩА.

Наша пища состояла из пеммикана (мясной муки), бисквита, масла, земляного ореха, бэкона, сгущенного супа, овсяной муки, сахара, молока в порошке, какао, солодового молока, чая, соли и шоколада. Был взят также лимонный порошок, содержащий важный витамин, который был необходим

в виду своих противояинготных свойств. Цынга собрала большую дань в полярных странах, и доктору Коману принадлежит большая заслуга в борьбе с ней.

Пища готовилась в дороге на плите Нансен-Чегка, устроенной вокруг примуса с двойной горелкой, в котором горел газолин.

Пища собак в пути состояла из пеммикана, составленного по формуле, выработанной д-ром Малькольмом, из университета в Отаго в Новой Зеландии. Корм был уложен плитами, которые смерзлись, и таким образом сохраняли свою форму. Пеммикан для людей состоит из молотого мяса, выжатого досуха и смешанного с жиром. К пеммикану, предназначенному для собак, подбавляется мука.

Путешествие Гульда и его товарищей было очень тяжелое. Чтоб выиграть время, они вставали в 6 часов утра и шли до 9 часов вечера. В большинстве случаев Гульд сообщал по радио: „После дневного перехода мы были слишком утомлены, чтобы повернуть ручку генератора радио и подробно сообщить обо всем“.

Людям пришлось почти всю дорогу идти на лыжах, которые оказались спасеньем; без них участники экспедиции не были бы в состоянии перейти через бесчисленные расселины, ямы и бугры. Благодаря лыжам вес распределяется на большую поверхность и является возможность перейти по тонкому прикрытию над расселиной, где человек в сапогах обязательно провалился бы. Много полярных

путешественников погибло вследствие того, что у них не было лыж.

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ АЭРОПЛАНОВ ДЛЯ ПОЛЯРНОГО ПОЛЕТА.

Лишь только геологическая экспедиция покинула лагерь, мы принялись налаживать аэропланы для

Моноплан выводят из зимнего помещения.

полета к Южному полюсу. Уже в течение нескольких недель до этого мы приводили их в порядок.

Мы вытащили наш фордовский моноплан „Флойд Беннет“ из ямы в снегу; люди тащили его за веревки, прикрепленные к лыжам. При этом его центральный мотор ревел, и толстое крыло медленно

поднималось над снегом до тех пор, пока он не встал наверху, над ямой, подобно доисторической птице, очутившейся на этом затеряншемся континенте.

Когда мы занимались этой работой, в течение нескольких дней было отчаянно холодно— 45° ниже нуля. Временами нельзя было работать в перчатках; люди мазали руки жиром и все же, при прикосновении к металлическим частям, обжигали их, и они покрывались волдырями.

Люди ежедневно работали при таких температурах, которых они не могли бы выдержать на родине. Они проверяли моторы, собирали регуляторы и аппараты для регулирования вспышки магнето, сменяли линии газопроводов, устанавливали новые газомеры, надевали новые лыжные подставки и выравнивали их, переменяли кожаные и вообще делали все необходимое для того, чтобы аэроплан мог летать.

Для того чтобы облегчить работу механиков и сделать ее более удобной, был построен большой переносный сарай на санях. Он был сделан из холста, натянутого на дерезянную раму.

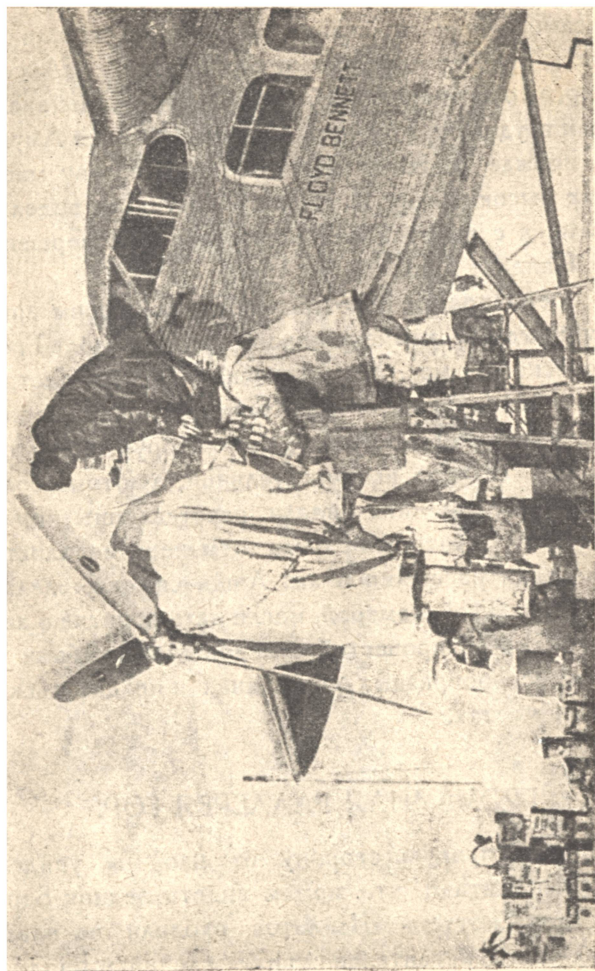
Начать работу надо было ранней весной, чтобы к наступлению подходящей для полета погоды аэропланы были вполне готовы.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ.

Наш полет к полюсу отличался от других продолжительных полетов тем, что для него обязательно нужна была ясная погода. Полет оказался бы бес-

цельным с исследовательской точки зрения, если бы видимость была плохой. В Антарктике часто наблюдается такая погода, полет при которой невозможен. В дурную погоду мы бы не могли перелететь через высокие горы, окружающие полярное плато. Многие из них достигают высоты в 5 000 метров, и с тяжелым грузом можно удариться о них. При шторме и тумане можно с полной безопасностью лететь над Атлантическим океаном, но для того чтобы благополучно пролететь через ущелье, ведущее к полярному плато, безусловно необходима ясная погода. Конечно трудно было рассчитывать, чтобы непрерывно стояла хорошая погода во время обоих наших полетов, во-первых для закладки базы, а затем—к полюсу.

19 ноября мы совершили полет для закладки базы. Это являлось необходимым подготовительным шагом для полярного полета. В полярных странах рискованно опускаться вне базы. С высоты трудно судить о поверхности, покрытой снегом, и можно легко ошибиться, приняв неровное поле для спуска за гладкое. Между тем подобная ошибка могла бы повести к поломке аэроплана, а в таком случае экспедиции пришлось бы отказаться от всяких дальнейших полетов. Взявши с собою Мак-Кинлея с его местнофотографическим прибором, мы не могли лететь к полюсу и обратно без остановки. Безостановочный полет был бы возможен без Мак-Кинлея, но он сам и его снаряжение, составлявшие значительный вес, мешали это сделать.

Разогревание мотора для полета.

С самого начала возник вопрос, сможем ли мы держать курс совершенно прямо к леднику Акселя Гейберга, отстоящему на 700 километров. Мы знали, что нам трудно будет узнать горы по описанию Амундсена, прежде всего потому что по соседству много других высоких гор. К тому же Амундсен видел их с земли, а с воздуха они могли иметь совершенно другой вид.

Во время полета Мак-Кинлей снимал своим аппаратом каждый сантиметр дороги, идущей вдоль Гросвеноровской тропы. На расстоянии 240 километров от базы мы пролетели над опасной, испещренной расщелинами местностью, через которую пришлось проходить сначала вспомогательной, а потом геологической партин. Мы видели расставленные оранжевые флажки, которыми была отмечена извилистая тропа среди расщелин и ям. Лишь снимки, сделанные специальной камерой, могли дать понятие о хаотической массе пропастей с ледяными глыбами по концам, веерообразных расселинах и предательских ледяных мостах.

ГРОМАДНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГОР.

Скоро по правую сторону от нас мы увидели горы. Мы считали, что можем видеть ледник Бэрдмор, где Скотт и Шекльтон входили на плато. Позднее мы действительно увидели ледники Бэрдмор и Аксель Гейберг, представлявшие собой величественный хребет.

Расщелины в 5 метров с высоты 1 500 метров походили на лыжные следы.

Когда мы направились к горам, одна за другой стали появляться вершины. В конце концов горизонт по направлению с юго-востока на юго-запад обратился в одну громадную галлерею гор. Еще ближе мы увидели мощные ледники, выбрасывающие лед в преграду через огромные извилистые отверстия, которые служат выходами с плато вышиною в 3,2 километра, на котором лежит Южный полюс.

Никогда не видел я таких суровых гор и такой великолепной картины, но нам они казались ревнивыми защитниками, охраняющими одиночество полюса.

Мак-Кинлей сфотографировал еще много новых вершин. Мы летели насколько возможно точно по нашему солнечному компасу, желая обязательно попасть прямо на ледник Аксель Гейберг.

По всем направлениям были разбросаны колоссальные горы, но так как мы не узнавали ни одной из них, то нам пришлось всецело довериться компасу. Если взятый курс был правилен, ледник Аксель Гейберг и гора Нансен должны были находиться перед нами. Перед горой, принятой нами за гору Нансена, появилась другая, более низкая, с прекрасными, стекающими по ней ледниками. Мы решили попробовать спуститься у ее подошвы.

СЕРЬЕЗНЫЙ МОМЕНТ.

Это был один из величайших моментов, от него зависел успех экспедиции. Это был риск, на который исследователь должен иногда решиться, чтобы

победить. Мы выбрали самое гладкое место для спуска.

Я дал знак Дину Смиту опуститься. Мы предварительно сбросили четыре дымовых бомбы для определения направления ветра и высоты. Аэроплан ударился о снег и остановился.

Быстро устроили нашу маленькую базу — самую южную в мире, оставив там газолин, масло, 150 кило пищи, газолиновую печь и другое оборудование. Пища, газолин и масло могли пригодиться также для геологической партии.

При под'еме я оглянулся на базу, спрашивая себя, удастся ли нам попасть на нее снова. Будет ли она достаточно видна для того, чтобы мы могли спуститься на обратном пути с полюса.

ВСЕ ДВИГАТЕЛИ ВНЕЗАПНО ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ.

Наши заботы еще не кончились. Не долетая 150 километров до „Маленькой Америки“, мы достигли сти, которая, по описанию наших товарищей, путешествовавших на санях, была опасна и даже совершенно неподходяща для спуска.

Как раз над этой местностью моторы начали сдавать. Джун сказал, что мало газа. Внезапно все три мотора остановились. Дин Смит был у рулевого колеса; спуск опять выпал на его долю.

Мы сильно ударились, слегка закачались и, к нашему удивлению, остановились без поломки. Каза-

лось невероятным, чтобы мы могли благополучно опуститься в такой местности. Мы были на краю самого скверного места. Счастье оказалось на нашей стороне.

В „Маленькой Америке“ тотчас узнали, что произошел вынужденный спуск, так как автоматически радиопередатчик остановился, как только машины перестали работать. Естественно, они начали беспокоиться.

Мы были на льду 36 часов. По счастью мы были на пути и спустились недалеко от Гровеновской тропы, так что полетевший к нам с газолином Балчен легко отыскал нас.

У нас были с собою газолиновые нагнетательные печи для согревания машин, а масло мы согрели на примусе. Возвращение к базе прошло без событий.

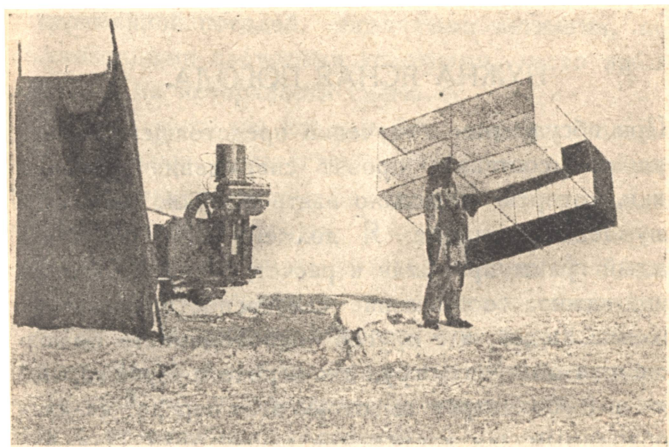
ГЛАВНАЯ НАУЧНАЯ ЦЕЛЬ ПОЛЕТА.

Я опишу лишь коротко продолжительные приготовления к полету на полюс.

Главная задача полета состояла в обследовании и наблюдении сверху всего видимого пространства между нашей базой и полюсом. Мы должны были видеть вправо и влево от себя по крайней мере на 100 километров, и несомненно на этом пространстве мы должны были увидеть что-нибудь интересное с географической точки зрения. Мы хотели зафиксировать фотографически каждый кило-

метр из всех 2550 километров, над которыми мы должны были пролететь.

Мы предполагали делать снимки к востоку от себя по дороге к полюсу и к западу—на обратном пути. До того никто еще не делал такой длинной карты в течение одного исследовательского полета,

Метеорологические наблюдения.

и Мак-Кинлею пришлось выполнить этот подвиг при новых условиях. Нельзя было рассчитывать на вполне точный обзор, но даже те мозаичные фотографические карты, которые мы хотели получить, должны были представлять большую научную ценность.

Камера была пропущена через отверстия, имеющиеся по обеим сторонам аэроплана, и защищена

прикрепленным вокруг нее холстом. Наш, весь металлический трехмоторный фордовский моноплан „Флойд-Бенетт“, исключая некоторые специальные соединения и частей, весь был сделан из дюралюминия. Каюта пилота была окружена стеклянными стенами и устроена так, что в ней могли сидеть двое для наблюдения с обеих сторон.

НУЖНА ЯСНАЯ ПОГОДА.

При обсуждении и изучении предстоящего полета пришлось составить проект снаряжения и экипировки, которую следовало взять с собою на случай вынужденного спуска. Я должен был взвешивать каждый грамм, принимая в расчет, с одной стороны самое важное соображение безопасности подчиненных мне людей, а с другой—необходимость по возможности облегчить груз для перелета через горный кряж в 3 000 метров высоты; этот перелет являлся необходимым для достижения нашей цели. Надежда на возможность возвращения в случае вынужденной посадки в дали от нашей базы была так слаба, что запас платья, пищи, принадлежностей для лагеря и саней должен был быть по возможности полный.

Был момент во время приготовления, когда казалось невозможным взять с собою Мак-Кинлея. Но ни Балчен, ни Джун, ни я не умели обращаться с камерой. Воздушное обозрение является специальным делом. Мы определили, что Мак-Кинлей с его приборами, экипировкой и предназначенной для

него пищей, весит 250 килогр., а потому, чтобы дать возможность ему лететь, решили на эту цифру уменьшить вес общего груза. Это являлось большим риском, но стоило рискнуть из-за того, чтобы получить снимки каждого километра пути как к востоку, так и к западу.

Нам предстояло лететь в неизвестную страну, с переменной погодой, внезапными метелями, необыкновенными световыми условиями, часто наблюдаемыми на поверхности снега.

Помимо того мы должны были ориентироваться над площадью неизвестных магнитных колебаний, хотя и намеревались более или менее придерживаться линий долготы. В этом отношении нам должен был быть очень полезен солнечный компас.

Полет над полярным плато, поверхность которого в пределах 80 кил. поднимается почти до 3 200 метров от уровня моря являлся не только механической проблемой, но и представлял очень сложную задачу в отношении ориентации.

При полете на высоте уровня моря, если барометрическое давление известно, скорость аэроплана может регулироваться в пределах приблизительных. Но нам предстояло лететь над высоким плато, высота которого колеблется от 2 400 до 3 300 метров. Нам не были бы известны быстро изменяющиеся расстояния между ним и аэропланом, а потому приборы для измерения скоростей не могли бы указать даже приблизительную скорость. Все же если бы мы стали пользоваться этим прибором при полете

над какой-нибудь расселиной или выступом по дороге на юг и затем повторили ту же операцию во время полета на север, скорость могла бы быть определена.

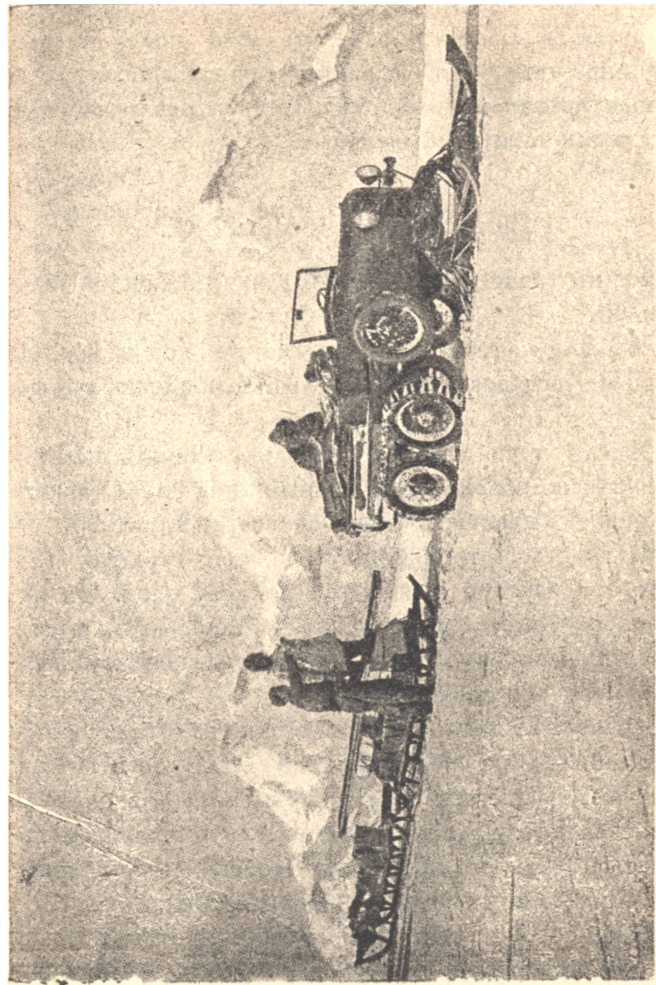
Нам пришлось ожидать необходимого условия для полета, а именно ясной погоды. Мы знали, что в течение всего периода, когда возможна в этих местах авиация, можно было рассчитывать всего на один или два ясных дня.

„ДРУГОГО СЛУЧАЯ МОЖЕТ И НЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ“.

28 ноября утром геологическая партия достигла пункта, отстоящего на 160 км. от подошвы хребта королевы Мод и оттуда стала регулярно передавать Гейнсу сведения о погоде. В одном из таких сведений Гульд сообщал, что условия на плато—благоприятные для полета. Хотя Гейнс допускал, что погода может еще улучшиться, но тем не менее советовал не откладывать полета, так как более благоприятного момента могло и не наступить.

В тот же день после обеда, в 3 час. 29 мин. (10 час. 29 мин. пополудни по нью-Йоркскому времени), мы поднялись и отправились к полюсу. Небо было частично покрыто облаками, но нас главным образом интересовало состояние погоды в горах.

Последнее, что мы положили с собою в аэроплан, был камень, взятый с могилы Флойд-Бенетта, в Ардингтоне. Мы прикрепили к камню американский флаг

Лыжи и гусеничная передача мало помогли автомобилю экспедиции.

и предполагали сбросить его на полчосе. Мы проектировали с Бенеттом сделать этот полет вместе, подобно тому, как и заатлантический полет был спроектирован нами сообща. Судьба разлучила нас, но он все-таки не был забыт.

ПОЛЕТ, КАК В МОЛОКЕ.

Мои товарищами были Балчен, Джун и Мак-Кинлей.

Не было ничего видно; мы летели, как в молоке лишь на юге показался небольшой ободок голубого неба.

Описав круг и через несколько минут вылетов из полосы облаков, мы попали под лучи яркого солнца, освещавшего горизонт впереди нас.

На триста метров под собою, после долгих поисков, мы наконец разглядели собачий след. Он подходил на тонкую рваную нитку. Местами он пропадал, но, держа курс по солнечному компасу Бумстеда, мы снова его находили.

В 4 час. 25 мин. мы пролетали над брошенным автомобилем на полозьях; это были остатки нашего неудавшегося опыта применить автомобиль в Антарктике. Другие исследователи пробовали пользоваться пони, но до сих пор собаки и сани являются незаменимыми для полярных троп.

Джун сообщил по радио на базу: „Летим хорошо; моторы прекрасны. Теперь к расселинам“. Миновав их, мы стали тщательно вглядываться в горизонт,

отыскивая на востоке признаки земли, но их не оказалось.

Показались горы к западу. Я снова был поражен их величием. Затем мы увидели к югу сначала оконечности одной массы гор, а затем другой; этих гор не было на карте. Они лежали по направлению к леднику Бэрдмора.

Громадные белые ледники спускались к барьеру. На расстоянии ста километров блестели, как в огне снежные вершины, в которых отражалось багровое солнце.

ЧАСТЬ ЗЕМЛИ КАРМЕН СНИМАЕТСЯ С КАРТЫ.

Было прекрасно видно. Мы все упорно смотрели на восток, а Мак-Кинлей фотографировал горизонт. Это было очень важно, потому что таким путем снималось с карты все, что лишь казалось землей. Достигнув 85° южной широты, мы все еще не видали никакой земли ни на восток, ни на северо-восток, а также не было ни земли ни гор по направлению к востоку, между 84° и 85° . Это означало, что большая часть земли Кармен должна была быть навсегда снята с карты и что границы преграды простираются на восток до неопределенных пределов. Благодаря этому открытию внось возникает вопрос о том — существует ли соединение между морями Росса и Уэдделя или нет.

Амундсен вполне естественно мог быть введен в заблуждение относительно размеров земли Кармен

в виду необыкновенных миражей, которые временами бывают в Антарктике.

Вскоре впереди нас обрисовались большие горы. Мы быстро пролетели над геологической партией в 8 часов 15 минут пополудни, сделав от базы 550 километров. Аэроплан летел прямо на юг, как стрела.

Для геологической партии мы приготовили мешок, в котором находились фотографические снимки с пути, поручения по радио из дома, письма от друзей, папиросы и другие вещи, которые партия по радио просила нас привезти. Мы сбросили этот мешок, привязав его к парашюту. Кроме того мы сбросили сделанные в воздухе Мак-Кинлеем снимки с гор. Грубо соединив эти снимки в панораму, мы отметили на ней нашу маленькую базу, ледник Акселя Гейберга и гору Нансена. Эти сделанные в воздухе снимки могли быть полезны Гульду, дав ему возможность сберечь время при выборе гор для геологического обследования.

Люди внизу бросились поднимать мешок; уже несколько недель прошло с тех пор, как они покинули базу. Я узнал по радио точную долготу и широту их местонахождения, что дало нам возможность точно проверить наше собственное положение.

Мы начали под'ем еще за 160 километров до гор. Впереди была полная неизвестность. Георг Блэк, заведывавший нашим снабжением, взвесил все, что находилось на аэроплане. Общий вес был немного

Ледник Акселя Гейберга.

менее 1 500 килограммов. Измерив наш расход газа и масла, мы в любой момент могли определить свой настоящий вес.

Мак-Кинлей был занят своей камерой, я был за пилота, Джун отправлял радиосообщения, переливая газолин из бидонов в резервуары, определял количество газа, поступающего из шести резервуаров, а в свободные минуты снимал фотографии. Позднее он занял место у руля. Мы с Мак-Кинлеем могли править только, когда не были заняты фотографией или пилотажем.

Мы держали курс на ледник Акселя Гейберга. По сообщению Амундсена, самая высокая точка ущелья поднимается лишь на 3 100 метров. Он заметил также, что по обеим сторонам ущелья возвышаются остроконечные вершины.

Вправо от нас начал обрисовываться другой громадный ледник. Мы заметили его еще во время полета для закладки базы. Ширина ледника казалась достаточной для того, чтобы можно было через него пролететь. Мы пролетели над нашим маленьким складом пищи и газа, но не видали его, так как находились на высоте более километра.

КРИТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ.

Солнечные лучи ударились о голые, вертикальные скалы. Теплые течения, поднимаясь, соединялись с холодным воздухом и образовывали туман. Мы начали совещаться с Балчем, на что решиться.

При выборе ледника Акселя Гейберга, нам пришлось бы иметь дело с известной высотой, но с неизвестными шириной и воздушными течениями; кроме того стоящие по сторонам его остроконечные вершины могли быть так высоки, что образуемыми благодаря им воздушными течениями нас могло сбросить на землю.

А может быть решиться пролететь через неизвестный ледник, который казался доступным? Однако за широким проходом можно наткнуться на горы, которые загородили бы нам путь.

Выбор направления осложнялся еще ограниченным количеством газа, которого нехватало бы на то, чтобы вернуться обратно и попробовать пролететь через другой ледник. Решаться надо было скорее, так как мы приближались к горам со скоростью более километра в минуту. Мы избрали неизвестный ледник.

АЭРОПЛАН ШВЫРЯЕТ, КАК ПРОБКУ.

Наступил критический момент. Нужно было решить тысячу вопросов: как обстоит дело с расходом газа? Хватит ли его, чтобы долететь до полюса? Не слишком ли его много и не помещает ли его вес перелететь через хребет? Мы могли в один момент вылить 400 литров газа через клапан.

Джон осмотрел пять газовых резервуаров. Он отвернул крышку с резервуара фюзеляжа и из-

мерил его прутом. Затем он открыл несколько запломбированных банок, вмещавших по 20 литров, вылил газولين в резервуар и выбросил банки за борт.

В каждой из них было лишь около фунта веса, но теперь каждый фунт был на счету.

Он произвел вычисление на бумажке и передал мне результаты. Затем осмотрел моторы.

Бадчен делал усилия, чтобы подняться. Ледник был слабо виден впереди на далеком расстоянии. Самая низкая точка в проходе все еще находилась выше носа аэроплана. Идущие в разных направлениях воздушные течения бросали аэроплан, как пробку.

Нам казалось, что ветер, дувший с вершин, помогает нам. Вправо открылись глубокие ущелья. По ним также шли воздушные течения, которые могли причинить нам беспокойство. Бернт свернул влево. Впереди лежал длинный, довольно спокойный проход. Но течения, идущие книзу, препятствовали нашему под'ему.

Вдруг руль перестал действовать, и колесо стало свободно вертеться в руках Бернта. Заглушая рев мотора, Бернт закричал: „или сбросить 200 или вернуться“.

Джюн бросился к выпускному клапану бака; ему стоило слегка надавить, и 250 килогр. вылились бы за борт. Но если бы мы сделали это, нам бы не хватило газоллина, чтобы долететь до полюса и вернуться к базе. Я понял это из записки, переданной мне Гарольдом.

Возникло другое решение—выбросить пищу, но справедливо ли это по отношению к людям? Если мы принуждены будем оуститься, то нам нехватит пищи.

„Мешок с пищей за борт“,—крикнул я Мак-Кинлею, и коричневый мешок полетел вниз.

Я мог оказаться неправым, принимая такое решение, но результат получился мгновенный. Аэроплан, парящий вблизи предельной высоты, столь же чувствителен, как шар. Бернт улыбнулся; облегчение отозвалось на руле.

Но все же мы еще не достигли достаточной высоты. Мак-Кинлей продолжал делать снимки, и я чувствовал, что, если прикажу ему бросить аппарат, он выбросится вместе с ним.

Мы медленно поднимались, но внезапно колесо опять стало свободно вертеться в руках Балчена.

„Скорее. Разгружайте еще!“—закричал он.

Я указал на другой мешок. Мак протолкнул его через люк и стал наблюдать, как он упал на ледник. Запас пищи для четырех людей, которой хватило бы больше чем на полтора месяца, лежит там на льду.

Больше нельзя было бросать пищи; ее оставалось немного. Потребуется ли еще разгрузка? Казалось, что потребуются...

ПО ТУ СТОРОНУ.

Наконец мы достигли прохода и пробрались через него, имея под собой лишь несколько сотен метров.

Бернт вскричал от радости—впереди нас не было гор; свободный путь вел прямо к полюсу.

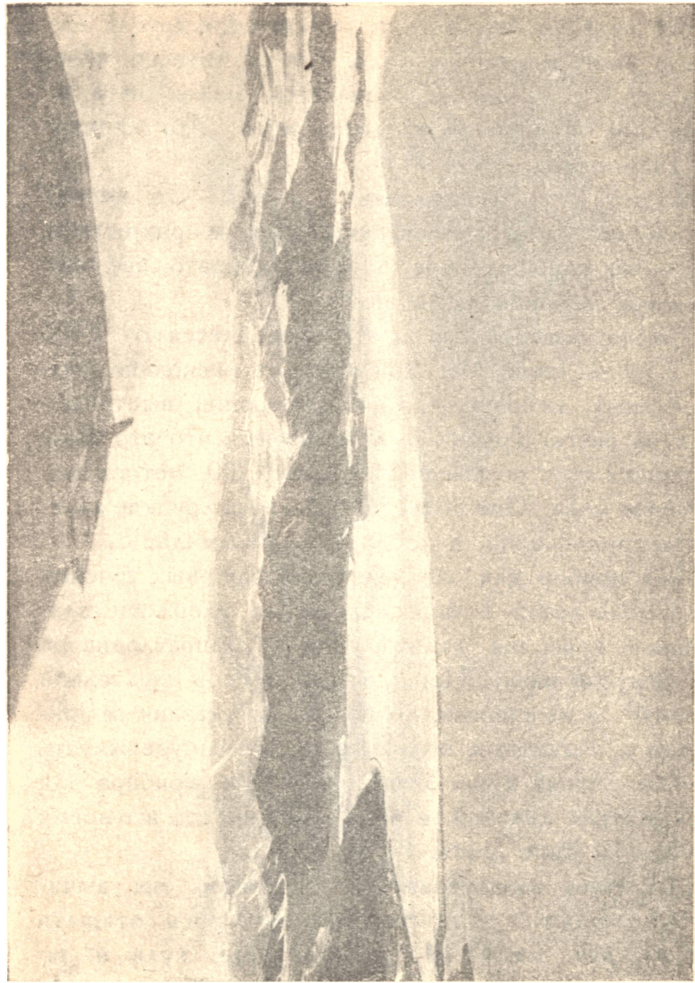
Вслед за этим мы вспомнили о моторах; плато было так высоко, что если бы мы остановили хотя один из них, аэроплан упал бы на снег. Приходилось пользоваться всеми тремя.

Вдруг правый мотор начал шипеть. Джюн бросился к клапанам газолиновых резервуаров, в то время как Балчен манипулировал рулевым колесом. Желая сберечь газولين, мы пустили его слишком тонкой струей. Мотор снова запел.

Мы огляделись. Наконец—полярное плато! Впереди беспредельное ровное белое пространство. Влево от нас, над поверхностью плато, возвышались горы высотой в 3 000 метров над уровнем моря. Высота некоторых из них должна достигать даже 5 500 метров.

Я взглянул вправо и был поражен красотой вида. Стоило ехать в Антарктику, чтобы увидеть его.

Далеко вправо над горизонтом возвышался горный хребет; это было нечто новое для занесения на карту. Гребни вершин казались невысокими. Но на самом деле они вероятно очень высоки, так как иначе они не выступали бы так над поверхностью плато. Они тянулись далеко на юг и были заметны повсюду, куда мог проникнуть глаз. Мне казалось, что горы окружают все плато. Они составляют могущественную дамбу, которая будет заключать в себе громадную ледяную котловину до тех пор, пока будущие геологические века не от-

Стоящие на страже затерянного мира гигантские вершины Антарктики открывают
летчикам свои вековые тайны.

метят переход Антарктики от ледяной к другой эре. Тогда наступит таяние льда, и вода потечет через выходы, а в котловине образуется может быть величайшее в мире внутреннее море. Это конечно предположение.

Можно лишь догадываться о том, что именно находится под этим гигантским ледяным прикрытием, и какова глубина льда. Полярное плато все еще является мировой загадкой.

Высота поверхности плато колеблется от 2 000 до 3 500 метров. Мы увидели еще несколько разбросанных, небольших горных вершин, выступающих из снега. Трудно было поверить, что это были верхушки гор, возвышавшиеся на 2 700 метров над уровнем моря. Они более походили на хрупкие аванпосты горной цепи, к которой мы стремились.

Наш прибор для определения воздушных течений показывал ветер с востока. Чтобы удержать правильный курс, мы дали аэроплану направление на 12 градусов влево. Приходилось теперь тщательно следить за течениями, но пользуясь указанным прибором и солнечным компасом, мы могли удерживать вполне точный курс. У нас было два прибора для определения течений, и мы с Мак-Кинлеем все время проверяли друг друга.

Пользуясь вышеуказанным способом, мы вычислили скорость, для чего нам пришлось открыть дверку-трап. Было 23 градуса ниже нуля и, по мере приближения к полюсу, становилось холоднее. Холодный ветер, врывающийся через трап,

Ледяные языки окаймляют озеро в земле Эдуарда VII.

тотчас ознобил лицо наблюдателя, но мы знали, как этому помочь.

Ветер до некоторой степени нас задерживал; мы делали лишь 145 километров в час. Оказалось, что потребуется больше времени, чтобы долететь до полюса, чем мы предполагали согласно сделанным вычислениям. Но, с другой стороны, мы надеялись, что этот противный ветер будет помогать при возвращении.

Характер плато постоянно менялся. Влево показался великолепный, спускающийся с горы ледник; хаотические массы изрытого льда синели на белом снегу.

Мы пролетели мимо ряда небольших круглых снежных куполов, под которыми скрывались глубокие ямы. Мы увидали твердые, образованные ветром рифы с остроконечными краями, блестевшие ярче окружавшей их снежной поверхности. Они свидетельствовали о том, что здесь бывают сильные ветры. Горы, к югу от нас, о которых сообщал Амундсен, начали скрываться из вида точно так же, как они исчезли при его приближении к полюсу. Мак-Кинлей сделал с них несколько снимков.

Мы пытались снять солнце секстантом, но аэроплан не был достаточно тверд. Мы знали скорость, с которой движемся, и следовали по меридиану по направлению к полюсу. Приделанный позади аэроплана метеорограф отмечал изменения температуры, давления и влажности. Мы имели в любое время постоянную запись высоты, на которой находился аэроплан.

НАД ПОЛЮСОМ.

Приблизительно через полчаса после полуночи мы вновь попробовали применить секстант. На этот раз снимок показал нам, что мы находимся недалеко от определенного вычислением положения, т. е. приблизительно в 80 километрах от полюса. Сделанный еще позднее снимок дал нам линию положения, идущую через полюс. Этот снимок привел нас к полюсу ранее времени, определенного на основании вычислений и предыдущего снимка.

Джон был у руля. Немного позднее Балчен сообщил, что воздух впереди не вполне чист; приближались облака. Мы рассчитывали опередить их на обратном пути к горам. Были они с сильным ветром? Если нам не удастся опередить их, по всей вероятности наше отступление будет отрезано. Нам придется тогда спуститься на площадь, находящуюся на 3 000 метров выше уровня моря и может быть на неровный снег.

Часы показывали, что мы уже четыре часа летим от горной преграды, а между тем от нее до полюса всего 540 километров. Неудивительно, что мои товарищи думали, что я уже перелетел за полюс. Оказалось, что ветер задержал нас.

Но великий момент наступил.

Воображаемая точка — отдаленное и уединенное основание земли — была под нами. Я поручил Джону сообщить по радио в „Маленькую Америку“:

„Мои вычисления показывают, что мы находились по соседству с Южным полюсом. Летим высоко для наблюдения. Скоро повернем на Север“.

Возможно, что последняя фраза была излишней, так как мы не могли лететь ни в каком другом направлении, как только на север.

Мы открыли люк и бросили американский флаг, к которому был прикреплен камень, взятый с могилы Бенетта, затем повернули вправо, пролетели три или четыре километра, описали круг, пролетели влево такое же расстояние и вернулись по диагонали к нашей первоначальной линии полета. Пролетев приблизительно шесть километров за точку, где повернули вправо, мы полетели обратно.

ОТ „ЗАВТРА“ К „ВЧЕРА“.

Мы кружили над полюсом на высоте около 750 метров выше снега или около 3 500 метров выше уровня моря. Температура упала до 26° ниже нуля. В нескольких местах облака затемняли горизонт.

По соседству с полюсом нужно принять новое представление о времени и направлении. Такие понятия как север и юг, полдень и полночь, и даже сегодня и завтра теряют всякое значение. На этой теоретической точке, откуда все направления идут на север, все меридианы сходятся. Эти меридианы окружают землю с севера на юг, и система времени зависит от отношения между ними и солнцем. Во всех частях света полднем является момент, когда

солнце пересекает меридиан, на котором мы находимся.

На Южном полюсе мы одновременно находимся на всех меридианах, а потому вполне правильно можем считать, что в любой данный момент здесь любое время или все времена. Если летать по дуге

„Мы летели над полюсом“.

Фотография местности около Южного полюса.

небольшого круга вокруг полюса в течение нескольких минут, мы можем перейти от сегодня к завтра или же, повернув в противоположном направлении, можем летать обратно к вчера.

Направление также не имеет никакого значения. Вблизи полюса мы можем начать полет по прямой линии к югу, и через несколько минут эта прямая

линия изменит направление на девяносто градусов к северу.

Мы находились на бесконечно ограниченной площади, где нужно было отказаться от обычных методов навигации и основываться исключительно на положении солнца.

ФЛАГ БЕССМЕРТНОМУ СКОТТУ.

Бессмертный Скотт пожертвовал жизнью, чтобы достичь этого места — Южного полюса, лежащего под нами. Мы спустили в честь его вместе с американским британский флаг.

Мы повернули обратно в 1 час. 25 минут. Нам предстояло еще трудное дело. Мы видели под собою пятна перемещающегося снега. Мы, как коршуны, наблюдали за солнечным компасом и прибором, указывающим течения. Нам необходимо было попасть к проходу в горах, и кроме того мы должны были найти базу у подножия гор.

Время теперь двигалось страшно медленно. Горы, которые до того были чисты, теперь местами окутаны облаками.

Берем направление на несколько градусов правее, имея намерение спуститься по леднику Аскель Гейберга. Мы хотим попасть к преграде восточнее того места, которое пересекали, чтобы лучше видеть землю Кармен и сделать с нее фотографические снимки.

Вдруг раздался радостный крик Балчена: влево от нас находился тот самый проход, по которому

мы влетели на плато; ледник Аскель Гейберга находился несколько левее нашего направления. Мы повернули слегка влево, а затем вправо, чтобы увидеть ледник, который шел к востоку. Мы снова повернули влево и вскоре уже были в проходе, ведущему к леднику Аскель Гейберга.

Трудно было лететь по ущелью, но аэроплан был не тяжел. Через несколько минут Джон, спускавшийся здесь уже раньше, спустил аэроплан на ледяное поле около горной базы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ 15 ЧАСОВ 51 МИНУТУ

Мы взяли 900 литров газа и оставили 160 килогр. пищи для партии Гульда, чтобы дать ей возможность дольше пробыть в горах. Через час снова поднялись и спустились в „Маленькой Америке“ в 10 часов 10 минут утра по антарктическому времени, или 5 часов 10 минут пополудни по нью-йоркскому, осмотрев площадь 400 000 квадратных км. в течение 15 часов и 51 минуты. Пири, для того чтобы водрузить американский флаг на Северном полюсе, принужден был находиться вне общения с цивилизованным миром 429 дней, а Амундсену для совершения его путешествия к Южному полюсу потребовалось 7 месяцев.

СОДЕРЖАНИЕ

Ричард Эвелин Бэрд	5
Загадки Антарктики	6
Обширное поле для науки	8
„Борьба Нью-Йорка“	10
Обувь при работе в Антарктике	11
Какую пищу мы взяли с собою	12
Перегруженное судно	13
Первый шторм в Антарктике	14
Лицом к лицу с ледяной массой вокруг моря Росс . .	16
Радиосообщение, побившее рекорд	18
Барьер достигнут	20
Первые на берегу	21
Ждать или не ждать?	22
Поиски места для базы на барьере	23
Гульд назначается вторым командиром	25
Постройки без гвоздей	27
Предосторожности на случай пожара	29
Первый полет „Старс энд страйпс“	32
Солнечный компас Бумстеда	—

Залив Линдберга помещен на карту	33
Запасы, взятые на аэроплан, на случай вынужденной по- садки	35
Первое важное открытие	36
Риск—залог успеха	38
Барьер ломается.—Спасение	40
Мы видим новую землю	44
Сорок два человека проводят зиму на льду	46
Солнце прощается на месяцы	53
Разговор с Гренландией	54
Живем, как семья кротов	55
Фантастические эффекты сгущения влаги	58
Керосин замерзает	60
Земной магнетизм	63
Приготовление к колоссальной работе	64
Приветствие возвратившемуся солнцу	66
Сани для геологической партии	68
Передний на лыжах	70
„Зеленый луч“ при солнечном закате	72
На дрожащих крышах черных расселин	73
Тайна антарктического сфинкса	74
Научно-рассчитанная пища	76
Приспособление аэропланов для полярного полета . . .	78
Первый полет	79
Громадная галлерея гор	82
Серьезный момент	84

Все двигатели внезапно останавливаются	85
Главная научная цель полета	86
Нужна ясная погода	88
„Другого случая может и не представиться“	90
Полет, как в молоке	92
Часть земли Кармен снимается с карты	93
Критическое решение	96
Аэроплан швыряет как пробку	97
По ту сторону	99
Над полюсом	105
От „завтра“ к „вчера“	106
Флаг бессмертному Скотту	109

50 коп.

Склад изданий:
Москва, ГСП 1, Богоявленский, 4,
К Н И Г О Ц Е Н Т Р
Отдел юношеской и детской литературы
